

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И ПРАКТИКА

Дипломатическая служба и практика № 3 (3) 2021

Журнал «Дипломатическая служба и практика» издается Дипломатической академией МИД России ежеквартально с января 2021 года

Председатель Совета журнала:
Министр иностранных дел Российской Федерации
Лавров Сергей Викторович

Главный редактор журнала:
Ректор Дипломатической академии МИД России
доктор юридических наук, профессор
Яковенко Александр Владимирович

Заместитель главного редактора:
Проректор по вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки Дипломатической академии МИД России
кандидат исторических наук
Троянский Михаил Григорьевич

© Дипломатическая академия МИД России, 2021

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Обращение к читателям

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается новое онлайн-издание – журнал «Дипломатическая служба и практика».

Внешнеполитическая деятельность стала неотъемлемой частью сложной системы межгосударственных связей. В современном стремительно меняющемся мире она приобретает новые формы и грани – как в нашей стране, так и за ее пределами. Следуя велению времени, дипслужба постоянно совершенствуется, продолжает брать на вооружение наилучшие практики и инновационные технологические решения.

Все это сподвигло коллектив Дипломатической академии МИД России к запуску издания, на страницах которого представители Министерства иностранных дел и других органов власти, а также эксперты-международники могли бы изложить свое видение актуальных форм и методов дипломатии, поделиться богатым опытом практической деятельности в данной сфере.

Приглашаю российских и иностранных авторов к публикации своих статей. Убежден, что эти материалы будут в полной мере востребованы как профессионалами, так и всеми, кто интересуется вопросами внешней политики.

С.СЛАВРОВ

17 июля 2020 года

Содержание номера

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

Антониу Гутерриш

Статья для журнала «Дипломатическая служба и практика».....4

Сыромолотов О.В.

Новое технологическое измерение терроризма и роль международного сотрудничества в этой сфере.....23

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Любомир Регак.

Современная культурная дипломатия в наборе инструментов внешнеполитической деятельности – ремарки на примере Словакии.....32

РОССИЯ И МИР

Гуськов А.А.

О российской дипломатии на Кубе 49

Феоктистов Д.В.

Российско-аргентинское сотрудничество по борьбе с коронавирусом и новые горизонты партнерства 57

Гельмут Шэфер.

Нет - новой "холодной войне"! 63

Франк Эльбе.

О политике в отношении России - возвращение к проверенным стратегиям 79

ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Пересыпкин О.Г.

Как я стал ректором Дипломатической академии МИД СССР 95

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

Антониу Гутерриш
Генеральный секретарь
Организации Объединенных Наций

СТАТЬЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И ПРАКТИКА»

Мы живем в беспокойном мире. Люди повсеместно оказались перед лицом пандемии COVID-19 – кризиса системы здравоохранения, экономической катастрофы и чрезвычайной ситуации в области прав человека, сложившихся в один беспрецедентный вызов. Мы также столкнулись с экстренной ситуацией планетарного масштаба – ускоряющимся изменением климата, растущим загрязнением окружающей среды и коллапсом биоразнообразия – угрожающей существованию окружающей среды, от которой зависит будущее каждого из нас. Вдобавок мы видим затяжные конфликты, повсеместную дискриминацию по половому признаку и внушающее тревогу распространение ненависти.

В эти трудные времена, как никогда прежде, важно глобальное сотрудничество в деле достижения Целей устойчивого развития – всемирной согласованной программы построения лучшего будущего

для всех. Как государство-основатель ООН и постоянный член Совета Безопасности Российская Федерация всегда выступала сторонницей деятельности ООН и многостороннего подхода. В современной сложной, изобилующей проблемами международной обстановке Россия продолжит играть важнейшую роль.

Пандемия COVID-19

В части разработки и производства вакцин уже виден свет в конце туннеля. Я благодарю Российскую Федерацию за осуществление научных исследований и разработок и за великодушное предложение предоставить вакцины для сотрудников ООН.

Наша непосредственная задача должна состоять в создании условий для скорейшей повсеместной вакцинации всех и каждого. COVAX – глобальный механизм по обеспечению общедоступности вакцин – уже приступил к доставке партий вакцин, в том числе и в страны с низким уровнем доходов. Однако многие такие государства пока что не получили ни одной дозы. Вакцины против COVID-19 следует рассматривать как глобальное общественное благо. Миру необходимо объединиться, чтобы производить и распределять достаточное для всех количество вакцин, что означает необходимость нарастить существующие общемировые производственные мощности как минимум вдвое.

ООН также борется с параллельной и связанной с COVID-19 эпидемией дезинформации и призывает к списанию долгов там, где это необходимо, чтобы наиболее уязвимые страны мира могли иметь ликвидность и бюджетные возможности для противостояния кризису. И мы настаиваем на таком восстановлении экономики, которое

устранило бы неравенство и слабости, столь наглядно выявленные пандемией. Ведь именно они питают глобальную нестабильность, недовольство и социальную напряжённость. Восстановление экономики – это шанс по-новому устроить наше будущее.

Угроза дестабилизации климата

Климатический кризис способен обратить вспять весь прогресс, достигнутый в области развития, усугубляя нищету и конфликты во всех регионах. Мы не можем допустить, чтобы это случилось. Необходимо заключить мир с природой и содействовать более энергичной борьбе с изменением климата. Это означает, что нужно придавать одинаково серьезное значение сокращению выбросов парниковых газов и укреплению приспособляемости и жизнестойкости окружающей среды.

Сегодня на восстановление затронутых пандемией экономик привлекаются значительные средства. Эти капиталовложения способны направить мир по более устойчивому пути развития, на котором будет поощряться справедливый переход к использованию возобновляемых источников энергии, создание зелёных рабочих мест и развитие зелёной инфраструктуры.

Набирает силу движение за то, чтобы полностью свести объём выбросов к нулю, и такое обещание уже дали многие руководящие работники государственного и частного секторов экономики. Страны, ответственные за 73 % выбросов, обязались свести их объём к нулю к середине нынешнего века. Но необходимо, чтобы к мерам по снижению отрицательного воздействия на окружающую среду присоединились все страны, все города и все компании. Я настаиваю на том, чтобы к

началу следующей конференции ООН по климату (COP26), которая состоится в ноябре, в эту коалицию входили страны, ответственные по крайней мере за 90 % всех выбросов.

Подавать пример другим должны государства Большой двадцатки и основные производители выбросов. Я призываю их в ближайшие несколько месяцев разработать более масштабные национальные планы по климату, увязав реалистичные сокращения выбросов с Парижским соглашением и с целью ограничить величину глобального потепления на уровне 1,5 градуса. Необходимо, чтобы определяемые на национальном уровне вклады по целям до 2030 года были сопряжены с обязательствами по обнулению выбросов к 2050 году, а также чтобы нам были представлены программы, направленные на осуществление обеих задач.

Важнейшим шагом вперед будет поэтапный отказ от сжигания угля. Когда-то уголь обеспечивал регионы дешёвой электроэнергией, а местные сообщества – жизненно необходимыми рабочими местами. Но экономическая эффективность угля снижается. Фактически на всех рынках теперь дешевле строить новые мощности возобновляемых источников энергии, чем строить новые или продолжать эксплуатировать существующие угольные электростанции.

Я призываю все правительства, частные компании и местные власти сделать следующие три шага: отменить все планируемые глобальные проекты с использованием угля; прекратить международное финансирование угольных электростанций; определить траекторию поэтапного отказа от сжигания угля при условии обеспечения справедливого перехода. По оценкам, приводимым в большинстве исследований, на местном уровне

неизбежно произойдёт потеря рабочих мест, но к 2030 году в результате перехода на возобновляемые источники энергии будут созданы миллионы новых рабочих мест.

Мы также должны совершить прорыв в области укрепления приспособляемости и жизнестойкости окружающей среды. Однако недостаток средств на укрепление приспособляемости остаётся огромным. К 2024 году доноры и многонациональные банки развития должны увеличить финансирование на эти цели с 20 % до по крайней мере 50 %. Приспособляемость не должна быть игнорируемой половиной климатического уравнения. Развитые страны обязаны выполнить все свои финансовые обязательства, включая обещание мобилизовать 100 миллиардов долларов в год на борьбу с изменением климата в развивающихся странах.

Я приветствую приверженность Российской Федерации участию в многосторонних усилиях по противодействию климатическому кризису, заявленную Президентом В.В. Путиным на Саммите лидеров по вопросам климата в апреле этого года. Мы надеемся, что Россия сыграет полноценную роль в переходе к зелёной устойчивой энергетике, хотя и признаём трудности, создаваемые современной структурой российской экономики и её энергетическим балансом.

Конфликт и непрерывный процесс поддержания мира

Вспоминаются знаменитые слова Юрия Гагарина, сказанные во время полёта: «Глядя на Землю издали, понимаешь, что она слишком мала для конфликтов и достаточно велика для сотрудничества».

Я приветствую конструктивную позицию России по ядерному разоружению. Ядерное оружие остаётся экзистенциальной угрозой для всех.

Но мы также должны отдавать себе отчёт в том, что возникающие по всему миру конфликты становятся всё более сложными и продолжительными и что зачастую они связаны с распространением терроризма и насильственного экстремизма. Ряд стран вовлечены в порочный круг, в котором конфликты порождают нищету и уязвимость, а те в свою очередь снижают устойчивость сообществ и подрывают перспективы достижения мира.

Международные механизмы управления конфликтами напряжены настолько, что готовы лопнуть. Урегулирование конфликтов затрудняют геостратегические разногласия и пришедшие в расстройство властные отношения. Наблюдается растущая разобщённость между правительствами и населением и снижение общественного доверия к государственным институтам. К тому же мы видим, как нарастают угрозы для демократии и растёт гнев против политических организаций и элит.

В наше изменчивое время более чем когда-либо прежде необходимо вскрыть корни этих разногласий и бед. Я продолжаю использовать все имеющиеся дипломатические возможности для политического урегулирования конфликтов. Миротворческие и миростроительные усилия ООН продолжают способствовать укреплению стабильности и помогают выходящим из конфликта странам избежать возврата к военным действиям.

Но если мы хотим помочь странам выбраться из порочного круга на долгосрочную перспективу, то нам потребуется выдвинуть на

передний план меры предупреждения. Необходимо усовершенствовать нашу способность предвидеть и предотвращать серьезные опасности, способность быть готовыми к ним. Государства должны придерживаться Устава ООН и соблюдать международное право. Им также следует стимулировать общественную сплоченность, гарантировать активное вовлечение граждан в процесс принятия решений, создавать прозрачные институты, укреплять подотчетность, защищать гражданское пространство, обеспечивать доступность правосудия, соблюдать права человека и верховенство закона. Мой призыв к действиям в интересах прав человека указывает путь к многим ключевым измерениям деятельности по предотвращению конфликтов и установлению мира.

Гендерное равенство

Равенство полов и права женщин и девушек являются одной из наиболее неотложных проблем в области прав человека и устойчивого развития в целом.

Пандемия COVID-19 высветила то, что часто остаётся незамеченным: женщины заняты в жизненно важных отраслях экономики, в силу чего они помогают выживать отдельным людям и целым сообществам. Однако женщины чаще теряют работу, их больше среди тех, кто впадает в нищету. Вдобавок параллельно с пандемией вспыхнула эпидемия гендерного насилия – от домашнего насилия и насилия в интернете до возросшего числа детских браков и случаев сексуальной эксплуатации.

В то же время борьба с пандемией COVID-19 выявила силу женского лидерства. Женщины-лидеры удерживали коэффициент

частоты заболеваний на более низком уровне и вели страны по пути выздоровления. И в самом деле, список трансформирующих воздействий, ставших результатом равного участия женщин, велик и продолжает расти: большой вклад в социальную защиту; более прозрачное управление; более устойчивые мирные процессы.

В сущности, гендерное равенство – это вопрос власти, а власть остаётся преимущественно в руках мужчин. Во многих местах подвергается нападкам сама идея равенства полов. Но по мере преодоления последствий пандемии нам необходимо сосредоточить внимание на пяти важнейших шагах:

Первое, защитить равные права женщин и отменить все дискриминационные законы.

Второе, обеспечить равную представленность женщин – от советов директоров компаний до парламентов и более высоких сфер – посредством введения особых мер и квот.

Третье, поощрять вовлечение женщин в экономическую деятельность через обеспечение равной оплаты труда, защиты от увольнений, целевых кредитов и инвестиций в бытовую экономику и социальную защиту.

Четвёртое, безотлагательно принять чрезвычайные программы реагирования на проблему насилия в отношении женщин и девушек. Пятое, обеспечить свободное протекание начавшегося процесса межпоколенческого перехода и не чинить препон молодым людям, ратующим за более справедливый, инклюзивный и равноправный мир.

Равноправное лидерство и равная представленность женщин способны в корне изменить нынешнюю ситуацию, что необходимо всем нам. Настало время смены укоренившихся структур и моделей.

Киберпространство

Во время пандемии функционирование обществ и связь между людьми обеспечивали цифровые технологии. Но пандемия также высветила наличие зияющей пропасти между теми, кто имеет доступ к такому инструментарию, и теми, кто им не располагает. Мир вступил в цифровой век десятилетия тому назад, но главный вызов остался без изменений: необходимо добиться того, чтобы к 2030 году у людей повсюду в мире имелся недорогой, надёжный и безопасный доступ в интернет.

Необходимо укреплять кибербезопасность и бороться с распространением ненависти, практик, ведущих к эксплуатации человека человеком, и дезинформации в цифровом пространстве. Эта задача становится еще более срочной, если учесть транснациональный характер движений, исповедующих идеи неонацизма и превосходства белой расы.

Кроме того, нам необходимо прийти к согласию относительно использования наших персональных данных. Значительный объём собранной о нас информации используется с добрыми намерениями. Но мы до сих пор не осведомлены полностью о том, как, кем, и с какой целью собирается эта информация. Наши данные пускаются в коммерческий оборот – в рекламе, для сбыта товаров, для наращивания корпоративной прибыли компаний. Они используются для манипулирования нашими представлениями и незаметно для нас воздействуют на наше поведение. Правительства также могут злоупотреблять этими данными, чтобы контролировать поведение собственных граждан, ограничивать участие граждан в политической деятельности, и устраивать травлю общественных активистов,

журналистов и правозащитников, тем самым нарушая права отдельных лиц и целых групп. Естественно, мы слышим всё более громкие требования о том, чтобы все мы имели больше влияния на то, как используются наши персональные данные.

В условиях быстрого развития искусственного интеллекта (ИИ) значение того, как мы управляем данными, будет только возрастать. ИИ открывает безграничные возможности. Однако использование данных, содержащих систематическую погрешность, может привести к опасным перекосам в информационных системах. Я продолжаю призывать к наложению запрета на летальное автономное оружие. Контроль над такими вооружениями должен остаться у людей, а в цифровой сфере должны полностью соблюдаться все права человека.

В прошлом году я обнародовал дорожную карту по цифровому сотрудничеству. ООН продолжит служить площадкой, на которой смогут встречаться стороны, заинтересованные в укреплении глобального управления в области, где таковое до сих пор по большому счёту отсутствует.

Сотрудничество

С прицелом на будущее государства-члены ООН в своих декларациях по случаю 75-й годовщины образования Организации Объединённых Наций призвали к ещё большему укреплению многосторонности и побудили меня рекомендовать способы усовершенствования деятельности по исполнению нашей общей повестки дня. Мы погрузились в глубокое раздумье, о результатах которого я доложу в сентябре. Но уже сейчас мы знаем, что

провозгласить достоинства многосторонности – мало, следует продолжить популяризацию ее добавленной стоимости.

Необходима сетевая многосторонность, необходимо укреплять координацию между всеми глобальными многосторонними и региональными организациями, в том числе международными финансовыми институтами и банками развития.

Кроме того, необходима инклюзивная многосторонность, основанная на глубоком взаимодействии с гражданским обществом, городами, компаниями, местными и региональными властями, учебными заведениями, филантропическими организациями и многими другими. Правительства не могут справиться с этим в одиночку, да и не только они обладают властью в современном мире.

Если мы сможем это сделать, то мы создадим систему многосторонности, которая будет более эффективной, будет пользоваться большим доверием, и будет с большей долей вероятности служить общему благу. Охватив одновременно всё население земного шара, пандемия высветила нашу сущностную взаимосвязанность. Надеюсь, что чувство общей незащищённости сможет претвориться в общую цель, побуждающую нас к построению более здорового, мирного, инклюзивного, устойчивого и равноправного будущего на нашей общей и единственной планете.

UNITED NATIONS

NATIONS UNIES

ARTICLE FOR "DIPLOMATIC SERVICE AND PRACTICE" ISSUED BY THE
DIPLOMATIC ACADEMY OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE
RUSSIAN FEDERATION

We are living in a world of disquiet. People everywhere face the COVID-19 pandemic – a health crisis, economic disaster and human rights emergency rolled into one unprecedented challenge. We also confront a planetary emergency – accelerating climate change, growing pollution and collapsing biodiversity – that threatens the environment on which everyone's future depends. And we see protracted conflicts, pervasive gender discrimination and an alarming spread of hatred.

In these trying times, global cooperation is more important than ever as we strive to achieve the Sustainable Development Goals – the world's agreed blueprint for building a better future for all. As a founding member of the United Nations and a permanent member of the Security Council, the Russian Federation has always been a champion of the work of the Organization and of multilateralism. In today's complex and challenging international landscape, Russia will continue to have a critical role to play.

The COVID-19 pandemic

With the rollout of vaccines, there is some light at the end of the tunnel. I thank the Russian Federation for its research and development efforts, and its generous offer of vaccines for United Nations personnel.

Our immediate focus must be to ensure that everyone, everywhere, can be vaccinated as soon as possible. COVAX – the global vaccine equity mechanism – has started delivering vaccines, including to some of the

lowest-income countries. But many low-income countries have yet to receive a single dose. COVID-19 vaccines must be seen as a global public good. The world needs to unite to produce and distribute sufficient vaccines for all, which means at least doubling manufacturing capacity around the world.

The United Nations is also combatting the parallel plague of COVID-related misinformation, and calling for debt relief where needed, so that the world's most vulnerable countries have the liquidity and fiscal space needed to address the crisis. And we are pressing for a recovery that addresses the inequalities and fragilities that the pandemic has so starkly put on display, which feed global instability, discontent and social unrest. Recovery is our chance to re-engineer our future.

The threat of climate disruption.

The climate crisis is poised to reverse development gains, exacerbating poverty and conflict in all regions. We cannot let that happen. We need to make peace with nature and promote more ambitious climate action. That means an equal emphasis on reducing greenhouse emissions and promoting adaptation and resilience.

Today, vast sums are being mobilized to revitalize economies in the face of the pandemic. Those investments can place the world on a more sustainable path by advancing a just transition to renewable energy, creating green jobs and promoting green infrastructure.

There is growing momentum for net zero emissions, as many decision-makers from the public and private sectors have stepped up to make this pledge. Countries representing 73 per cent per cent of emissions have committed to net zero emissions by the middle of the century. But we

need all countries, all cities and all companies to do more to close the mitigation gap. I am pushing for the coalition to cover at least 90 per cent of emissions by the time of the next UN climate conference, COP26, in November.

G20 countries and main emitters must lead the way. I am calling on them to present more ambitious national climate plans in the next few months, with credible emissions cuts aligned with the Paris Agreement and the 1.5-degree objective. We need Nationally Determined Contributions with 2030 targets aligned to the 2050 net zero commitments, and we need to see the policies that will enable them both.

Phasing out coal is the single most important step we can take. Coal once brought cheap electricity to regions and vital jobs to communities. But coal's economic viability is declining. In virtually all markets, it is now cheaper to build new renewable energy capacity than new coal plants or to keep coal plants running.

I am calling on all governments, private companies and local authorities to take three steps: cancel all global coal projects in the pipeline; end international financing of coal plants; and define a coal phase-out trajectory while ensuring a just transition. Most studies estimate that despite inevitable job losses at the local level, the transition from coal to renewable energy will result in the net creation of millions of jobs by 2030.

We must also achieve a breakthrough on adaptation and resilience. Yet the adaptation financing gap remains huge. Donors and multilateral development banks should increase the share of adaptation finance from 20 per cent to at least 50 per cent by 2024. Adaptation cannot be the neglected half of the climate equation. Developed countries must meet all

finance commitments — including their pledge to mobilize \$100 billion annually for climate action in developing countries.

I welcome the Russian Federation's commitment to multilateral efforts on the climate crisis, as set out by President Putin at the Leaders Summit on Climate last April. We look to Russia to play its full part in the shift to green, sustainable energy, while recognizing the difficulties created by the present structure of the Russian economy, and its energy mix.

Conflict and the peace continuum.

As Yuri Gagarin famously said during his orbital flight: "Looking at the Earth from afar, you realize it is too small for conflict and just big enough for cooperation".

I welcome Russia's constructive engagement on nuclear disarmament. Nuclear weapons remain an existential threat to all.

But we must also be aware that conflicts around the world are becoming increasingly complex and protracted, and frequently associated with the spread of terrorism and violent extremism. A number of countries are in a vicious cycle in which conflict breeds poverty and fragility, which in turn decreases the resilience of these societies and the prospects for peace.

International conflict management mechanisms are stretched to the breaking point. Geostrategic divides and dysfunctional power relations are making conflict resolution more difficult. There is a widening disconnect between governments and their people, and declining public trust in institutions. And we see rising threats to democracy and growing anger at political establishments and elites.

In these volatile times, it has never been more urgent to get at the roots of these divisions and ills. I continue to pursue all possible diplomatic openings for political solutions to conflict. United Nations peacekeeping and peacebuilding efforts continue to promote stability and help countries that are emerging from conflict avoid lapsing back into hostilities.

But if we are to help countries break out of these cycles over the longer term, we will need to put prevention at the forefront. We need to improve our ability to anticipate, prevent and prepare for major risks. States should uphold the Charter of the United Nations and abide by international law. They also need to invest in social cohesion, guarantee meaningful participation in decision-making, build transparent institutions, strengthen accountability, protect civic space, promote access to justice and uphold human rights and the rule of law. My Call to Action for Human Rights points the way on many of these key dimensions of prevention and peace.

Gender equality

One of the most pressing issues for human rights, and for sustainable development as a whole, is gender equality and the rights of women and girls.

COVID-19 has brought to light what is too often invisible: women are the essential workers keeping people and communities alive. Yet women have suffered higher job losses and been pushed into poverty at higher numbers. The pandemic has also sparked a parallel epidemic of gender-based violence, from violence in the home and online, to increased child marriage and sexual exploitation.

At the same time, the COVID-19 response has highlighted the power of women's leadership. Women leaders have kept prevalence rates lower, and countries on track for recovery. Indeed, there is a long and growing list of the transformative impacts of women's equal participation: larger investment in social protection; more transparent governance; more durable peace processes.

Gender equality is essentially a question of power -- and power remains predominantly in the hands of men. In many places, the very idea of gender equality has come under attack. As we recover from the pandemic, we must focus on five critical steps:

First, protect women's equal rights and repeal all discriminatory laws.

Second, ensure women's equal representation – from company boards to parliaments and beyond -- through special measures and quotas.

Third, advance women's economic inclusion through equal pay, job protection, targeted credit and investments in the care economy and social protection.

Fourth, immediately enact emergency response plans to address violence against women and girls.

Fifth, give space to the intergenerational transition that is under way and to the young people who are advocating for a more just, inclusive and equal world.

Women's equal leadership and representation is the game changer we need. It is time to change entrenched structures and models.

Cyberspace

During the pandemic, digital technologies have kept societies functioning and people connected. But the pandemic has also highlighted a

yawning gap in access to these tools. The world entered the digital age decades ago, but a core challenge remains: ensuring that people everywhere have affordable, meaningful and safe access to the Internet by 2030.

We need to strengthen cybersecurity and address the digital spread of hatred, exploitation and disinformation. This is especially urgent given the transnational nature of neo-Nazi and white supremacy movements.

And we need to come to terms with the use of our data. Much of the information gathered about us is used to positive ends. But we still don't know fully how this information is being collected, by whom or for what purposes. That data is being used commercially — for advertising, for marketing and for beefing up corporate bottom lines. It is being used to manipulate our perceptions, and shape our behaviour, without our ever realizing it. Governments can also exploit that data to control the behaviour of their own citizens, limit political participation and harass community activists, journalists and human rights defenders, thus violating the human rights of individuals or groups. There is naturally a growing demand for all of us to have a greater say about how data that concern us is used.

The importance of how we manage data will only grow with the rapid spread of Artificial Intelligence. AI has opened powerful possibilities. But biased data can lead to dangerous biases in applications. I continue to call for a ban on lethal autonomous weapons. Human beings must remain in control, and all human rights must be fully respected in the digital sphere.

Last year I launched a roadmap for digital cooperation – and the United Nations will continue to serve as a platform where stakeholders can come together to strengthen global governance in a domain where it is largely missing.

Cooperation

Looking forward, UN Member States, in their declaration on the 75th anniversary of the United Nations, called for a reinvigorated multilateralism and invited me to recommend ways to better pursue our common agenda. We have embarked on a process of deep reflection, and I will report in September. But already we know that it is not enough to proclaim the virtues of multilateralism; we must continue to show its added value.

We need a networked multilateralism, strengthening coordination among all global multilateral and regional organizations, including the international financial institutions and development banks.

And we need an inclusive multilateralism, based on deep interaction with civil society, cities, companies, local and regional authorities, academic institutions, philanthropic organizations and others. Governments cannot do it alone – and they are far from the only powers in today's world.

If we can do this, we will also build a multilateralism that is more effective, more trusted and more likely to advance the common good. The pandemic, in affecting all the world's people at the same time, has highlighted our essential interconnectedness. My hope is that this sense of shared vulnerability can translate into common purpose as we shape a healthier, more peaceful, inclusive, sustainable and equitable future on our one and only planet.

Сыромолотов

Олег Владимирович

заместитель Министра иностранных
дел Российской Федерации

НОВОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭТОЙ СФЕРЕ

Темпы цифровизации современного общества открывают новые возможности применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Вместе с тем приходится констатировать, что они все чаще используются злоумышленниками, в том числе террористами, для осуществления деятельности, подрывающей международный мир и безопасность. Эта тема заслуживает отдельного внимания.

Использование ИКТ в террористических целях, в том числе для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников, в Российской Федерации отнесено к основным угрозам международной информационной безопасности (МИБ)¹.

Очевидный аспект проблемы – использование ИКТ для усиления методов «традиционного» терроризма. Террористы достаточно рано осознали возможности задействования «свободного» Интернета, в

---

¹ «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» утверждены Указом Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213.

котором отсутствует серьезная цензура, обеспечена анонимность, созданы условия для быстрого обмена информацией, при этом аудитория глобальна. Они используют его для сбора всесторонней информации, привлечения финансовых ресурсов, включая криптовалюты, вербовки сторонников, координации действий боевиков, заказа преступлений на принципах аутсорсинга. К 2000 г. свои сайты создали практически все террористические группы. Интернет позволил им диверсифицировать собственные каналы вещания – в частности, террористическая организация «Исламское государство»¹, многие члены которой выросли в эпоху Интернета, помимо нескольких сайтов и многочисленных аккаунтов в социальных сетях разработала собственные приложения для телефонов, радиостанцию. Интернет способствовал заметному росту числа террористов-одиночек и сделал террористические группы еще более сетевыми: члены одной ячейки могут находиться в разных странах и никогда не встречаться друг с другом.

Однако сегодняшний вызов миру – возможное применение ИКТ в качестве оружия.

Термин «кибертерроризм» (компьютерный терроризм), отражающий широко распространенное в мире деструктивное явление повышенной опасности, сегодня прочно укоренился в общественно-политической лексике. При этом он не имеет ни общепризнанной в мире формулировки, ни четкого юридического определения, как в международном праве, так и в национальных, включая российское, законодательствах. Как следствие неопределенности самого понятия

---

¹ Организация запрещена на территории РФ.

– борьба с кибертерроризмом приводит к дублированию действий различных структур.

В российской экспертной среде под кибертерроризмом понимаются противоправные действия с использованием ИКТ для преднамеренной атаки (политически, религиозно или идейно мотивированной) на информационные сети с целью демонстрации угрозы или совершения покушения на жизнь людей, психологического воздействия на власти и население в целом, причинения ущерба материальным объектам. Для более широкой трактовки к перечисленному выше следует добавить провоцирование панических настроений в обществе, антиправительственных выступлений, столкновений на этнической и религиозной почве, военных конфликтов, других опасных для государства явлений, способных заставить выполнять требования террористов.

Специалисты сходятся во мнении, что для кибертерроризма характерны все черты, присущие «традиционному» терроризму. В частности, после самой террористической акции должно следовать продолжение в виде распространения информации об организаторах и их требованиях – т.н. «взятие ответственности». При этом кибертерракт может проводиться с минимальными деструктивными последствиями – только для «демонстрации силы», однако в последующем информационном сообщении обозначается угроза его повторения уже в масштабе.

Сегодня акты информпреступности и кибертерроризма, зачастую, имеют схожую окраску. Основным маркером при их разграничении являются конечные цели и тактика осуществления противоправного действия в информпространстве. Расширение в теневых сегментах

сети Интернет спектра преступных «киберсервисов» (продажа похищенных баз данных, информации, вредоносного программного обеспечения, наемничество для совершения киберпреступлений и т.п.) – те «возможности», мимо которых террористические группировки не пройдут и рано или поздно задействуют подобные ресурсы в своих целях.

Наиболее опасными видами преступных актов с использованием ИКТ является выведение из строя или перехват управления информационными системами и ресурсами на объектах критической инфраструктуры (обычные и ядерные электростанции, диспетчерские центры воздушного, железнодорожного и трубопроводного транспорта, опасные производства, военные объекты, хранилища и т.д.).

В «серой зоне» с точки зрения международного правового регулирования остается проблема т.н. «государственного кибертерроризма». Сюда можно отнести секретные операции с использованием ИКТ, осуществляемые спецслужбами ряда претендующих на мировую гегемонию стран для «создания проблем» неудобным им правительствам и лицам, управления «цветными революциями», а иногда и в откровенно диверсионных целях – как, например, внедрение «вируса» в программное обеспечение сирийской противовоздушной обороны в 2007 г., атаки на ядерные объекты Ирана в 2010 г. (с помощью сетевого «червя» Stuxnet) и в апреле 2021 г. Можно спрогнозировать, что и в будущем заинтересованные правительства будут наращивать масштабы таких скрытых войн, рассматривая подобные операции в информационном пространстве как один из действенных инструментов давления и «наказания» своих

политических противников, особенно из числа стран, не готовых дать симметричный ответ.

Вместе с тем новые технологии открывают новые возможности для противодействия кибертерроризму. С учетом трансграничного характера информационного пространства, для эффективного противодействия использованию ИКТ в террористических целях принципиальную роль играет международное сотрудничество, которое выстраивается и стало неотъемлемой составляющей, в первую очередь, в рамках международных инициатив по борьбе с «традиционным» терроризмом.

Значительным успехом в этом направлении стало принятие в 2006 г. глобальной контртеррористической стратегии ООН, которая направлена в т.ч. на борьбу с терроризмом в сети Интернет во всех его формах и проявлениях, а также использование сети Интернет в качестве инструмента борьбы с распространением терроризма. Соответствующая проблематика рассматривается на заседаниях Совета Безопасности ООН, посвященных угрозам международному миру и безопасности. В практическом плане его контртеррористический комитет публикует доклады, содержащие региональные и тематические рекомендации, направленные на усиление мер реагирования государств на угрозы кибертерроризма.

Первостепенное значение противодействию использованию ИКТ в террористических целях придается сегодня на профильной площадке ООН по МИБ. В частности, в принятом в марте 2021 г. итоговом докладе созданной по российской инициативе Рабочей группе ООН открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной

безопасности подчеркнута необходимость недопущения использования ИКТ в террористических целях.

Вопросы использования террористами современных цифровых технологий находятся в центре внимания таких организаций, как ОДКБ, СНГ, БРИКС, ШОС, ОБСЕ.

Заслуживают внимания и поддержки инициативы государств, направленные на пресечение отдельных аспектов информационной деятельности террористов. В частности, разрабатываются инструменты для предотвращения загрузки контента террористического, экстремистского и насильственного содержания, его своевременного удаления, выработки этических стандартов при освещении террористических актов в сети Интернет. Важно, чтобы эти инициативы базировались на уже имеющихся наработках в рамках ООН, профильных межгосударственных и региональных форумов, носили инклюзивный характер, а также содействовали соблюдению интернет-провайдерами национального законодательства стран, в которых они осуществляют свою деятельность. Нельзя забывать, что превентивную деятельность в борьбе с терроризмом ведут, прежде всего, компетентные органы.

Одним из основных направлений реализации государственной политики в области МИБ по формированию механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия угрозе использования ИКТ в террористических целях является совершенствование на глобальном, региональном и двустороннем уровнях механизма обмена информацией о фактах использования ИКТ

в террористических целях, повышение эффективности взаимодействия уполномоченных государственных органов¹.

Серьезной проблемой является использование террористами средств коммуникаций со стойкими криптографическими алгоритмами, сквозным шифрованием, при котором сообщения хранятся только на устройствах отправителя и получателя. В этом контексте хотел бы обратить внимание на контртеррористическую инициативу ФСБ России по созданию универсальной системы доверенного хранения (депонирования) ключей шифрования от мобильных приложений для оперативного доступа правоохранительных органов к зашифрованной информации. Суть данной инициативы заключается в хранении зашифрованных сообщений оператором, а ключей шифрования – уполномоченным органом, который каждое государство определяет самостоятельно. Доступ к ключу и информации заинтересованные службы получают в соответствии с национальным законодательством или международным соглашением.

Взаимодействие государств с целью защиты собственной критической инфраструктуры и обеспечения МИБ направлено на противодействие киберугрозам от кого бы они не исходили, в т.ч. со стороны террористических групп. Об обмене соответствующей информацией договорились участники ШОС, Африканского союза. В Европейском союзе такую работу ведет Агентство ЕС по кибербезопасности.

В нашей стране координацию деятельности субъектов критической инфраструктуры осуществляет созданный в 2018 г.

---

¹ Пп.в. п.13 «Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности»

Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ). Он ведет активный обмен информацией о компьютерных инцидентах с профильными центрами кибербезопасности из большинства стран мира. В 2020 г. по его запросам за рубежом была пресечена деятельность более 68 тыс. источников вредоносной активности (в адресном пространстве России по запросу иностранных коллег – 9 тыс. ресурсов).

Еще одно направление международного сотрудничества и усилий в борьбе с кибертерроризмом – это противодействие использованию ИКТ в преступных целях. Глобальный контекст киберкриминала вынуждает компетентные органы государств координировать действия по предупреждению и расследованию преступлений в ИКТ-сфере на национальном, региональном и международном уровнях. Для эффективного упреждающего противодействия необходимо оперативно контролировать переписку, блокировать электронные счета, получать доступ к электронным доказательствам на зарубежных серверах, устанавливать личности и проводить задержания в других странах.

В этой связи востребованность разработки всеобъемлющей международной конвенции по борьбе с использованием ИКТ в преступных целях сложно переоценить. Соответствующая работа под эгидой ООН началась несколько лет назад по инициативе Российской Федерации, а 10-12 мая с.г. в Нью-Йорке состоялось первое, организационное заседание специального межправительственного комитета открытого состава по созданию киберконвенции. Теперь абсолютно все государства-члены ООН смогут принять участие в

разработке этого универсального документа. Причем сделать это планируется уже в ближайшие несколько лет.

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

*Любомир Регак
(Lubomír Reháč)*

Посол Словакии в России
кандидат политических наук

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В НАБОРЕ ИНСТРУМЕНТОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – РЕМАРКИ НА ПРИМЕРЕ СЛОВАКИИ

В мире большой дипломатии – встреч на высшем уровне, подписании договоров, конференций и форумов, но также и с точки зрения пользователя консульских и визовых услуг дипломатических представительств, поддержка культуры кажется иногда только чем-то вроде дополнительной деятельности, несопоставимой по значению с высокими основами дипломатии.

А ведь презентация культуры за рубежом, чему и способствует дипломатия, имеет ряд неспоримых положительных эффектов. Государство посредством культуры осуществляет одну из основных функций внешней политики – быть воспринятым в мировом сообществе как достойный игрок с культурой, вносящей существенный вклад в общемировое культурное наследие. Культура при умелом подходе является весомым фактором мягкой силы государства, влияющим на международные отношения. В конечном счете культура – это визитная

карточка страны и каждый ее представитель обязан ею пользоваться. В отличие от крупных стран, у которых культурная презентация входит автоматически в инструменты *soft power* и на эти цели выделены крупные средства для организации дней или даже годов культуры своей страны за рубежом, небольшие страны используют культурную дипломатию для того, чтобы стать легче узнаваемыми, повысить интерес к своей стране и влиять также на рост туризма. Среди инструментов, которые успешно используются, находится и продвижение информации о культурном наследии ЮНЕСКО.

Словакия богата материальными памятниками всемирного наследства – замками, церквями и крепостями, а также и духовным наследством. Таким, например, является музыка, исполняемая на деревянном духовом инструменте фуяра, издающем неповторяемый звук. Один из президентов Словакии Иван Гашпарович любил не только дарить фуяру иностранным гостям, но и играл на ней – кстати, я тоже не отказываюсь коротко сыграть мягкие тоны на фуяре моим гостям.

Иногда активность культурной дипломатии важна и для преодоления стереотипов и ошибок в познании страны за рубежом. Словакия в этом смысле образцовый пример – ведь вовсе не редкие были случаи, когда всех жителей Чехословакии называли сокращенно чехами. Этот стереотип работал, правда, в обе стороны и для среднего обывателя Чехословакии каждый владелец советского паспорта был тоже просто русским. Словакию часто путают и со Словенией, ведь свой язык мы оба называем словенским, хотя они довольно отдаленные. В Лондоне мы со словенским коллегой организовали серию мероприятий под названием «Различи Словакию и Словению». Понимая безнадежность этого дела, мы его использовали в

непринужденной, даже забавной манере, прежде всего для продвижения туризма и экономики. О нашей инициативе тогда писали даже в журнале «New Yorker».

За годы моей дипломатической практики я всегда стремился не только распространять знания о богатой культуре Словакии, но и воспринимать культурное влияние со стороны страны пребывания и коллег по дипломатическому корпусу. Хорошо, когда дипломат по-человечески расположен к восприятию разнообразных видов культуры – тогда ему легче и приятнее заниматься ее презентацией. Помню юморный эпизод, когда один посол сказал оперной певице после первого отделения концерта в посольстве, что, наверное, хватит оперного пения, и предложил ей экспромптом спеть какие-то веселые народные песни. Я, кстати, поучился на этом случае и вместо продолжительных концертов стал организовывать концерт-коктейли, имея ввиду, что дипломатам и гостям посольства нужно общение. После сравнительно короткого, скажем, получасового концерта, гости приглашаются на небольшой прием, где могут поговорить не только о своих впечатлениях от концерта, но и о всем интересующем. Знатокам культуры, желающим уделить музыке, литературе или изобразительному искусству больше внимания и времени, можно рекомендовать концертные и выставочные залы или театры, особенно если в них проходят мероприятия, связанные с вашей страной или даже при участии посольства.

Вполне естественно, что у каждого дипломата есть свой личностный профиль и предпочтения, через которые он влияет и на деятельность посольства. Трудно заставить эксперта в экономике уделять чрезмерное внимание поддержке художественной литературы

или наоборот. В самой сфере культуры классическим примером является условное разделение дипломатов на сторонников фольклора, классики и современного искусства. По количеству мероприятий каждой из этих групп знатоки могут определить культурные предпочтения организатора. Смены на посольских постах иногда открывают совсем новые, неожиданные горизонты, которым предыдущие дипломаты уделяли меньше внимания. Однако во внешней презентации страны необходим баланс, и для этого важно централизованное планирование на уровне министерств иностранных дел в сотрудничестве с другими центральными учреждениями. Это касается и презентации страны и культурной деятельности. В словацком МИД Отдел культурной дипломатии и Отдел коммуникации вырабатывают ежегодные предложения культурных мероприятий, привязанных, как правило, к круглым датам в историческом календаре или к разного вида кампаниям – год архитектуры и т.п. В наличии есть специальные выставки, а-ля-карт, предложения мастеров искусства и художественных коллективов или разные проекты, которые можно реализовать в условиях дипломатических представительств.

Весьма успешным был недавно Год Милана Рагислава Штефаника с апреля 2019 года – по случаю столетия со дня его трагической кончины в авиакатастрофе, – по июль 2020 года, 140-ю годовщину со дня его рождения. Штефаник, наш национальный герой, был выдающейся личностью в начале XX века – астрономом, фотографом, военным летчиком, генералом французской авиации, политиком и дипломатом, основоположником Чехословакии. Словацкая дипломатия успешно осуществила целый ряд мероприятий, чтобы освежить историческую память о нашем национальном герое.

Пандемия повлияла на некоторые запланированные мероприятия – в Лондоне мы, например, планировали воспроизвести торжественный ужин Королевского астрономического общества, в котором Штефаник участвовал в 1905 году. Меню сохранилось и находится среди документов в новой интересной книге-музее о Штефанике, написанной историком Михалом Кшиняном. Эту книгу я, помимо прочих, передал через общего знакомого лично Его Величеству королю Тонги Тупоу VI. У Словакии с этим полинезийским островным государством до сих пор нет даже дипломатических отношений, но нас связывает как раз Штефаник, который на тонганском острове Вавау проводил в 1911 году исследования солнечного затмения, и по сей день там сохранился бетонный статив для оптических приборов, построенный Штефаником, который на нем оставил и свой автограф. Благодаря своей короткой, но активной жизни Штефаник является связывающим звеном словаков с многими народами мира и любимым персонажем для наших дипломатов в их стремлении продвигать в мире знания о нашей стране.

Штефаник, кстати, не один раз посещал и Российскую империю – в 1907 году с французской научной экспедицией в Туркестан, причем посетил Пулковский обсерваторий в Санкт-Петербурге и в Ясной Поляне навестил Льва Николаевича Толстого и его словацкого врача – своего друга Душана Маковицкого. Несколько раз посетил Россию и в ходе Первой мировой войны в качестве члена Чехословацкого народного комитета. В 1916 году его принял и Император Николай II. Уже как министр обороны («войны» в то время) новой Чехословакии прибыл генерал Штефаник в ноябре 1918 г. во Владивосток, чтобы организовать возвращение 50 тысяч чехословацких легионеров из Сибири на родину. Проехав всю Сибирь, уехал из России 25 января 1919 года. При

возвращении в Словакию, где он не был с 1913 года, его самолет потерпел 4 мая 1919 аварию, приземляясь в Братиславе, и Штефаник погиб в возрасте 39 лет.

На примере истории Штефаника можем обобщить важную роль личностей и исторических событий для публичной дипломатии с целью сближения и взаимопонимания самых разных народов. Наверное, похожие связывающие случаи и персонажей можно найти между любыми странами мира – вопрос в том, насколько есть желание их исследовать и насколько каждый способен использовать эти пункты соприкосновения в целях, соответствующих интересам обеих сторон. Важно также добавить, что инструменты воздействия публичной и культурной дипломатии должны влиять естественно, искренне, ненасильственно, без чрезмерных преувеличений, иначе они минуют свою цель. Презентация страны и ее действительности должна подчеркивать аутентичность, которая вписывается в культурное восприятие страны за рубежом, стереотипы, которые работают – хотим мы этого или нет. Напрасно Россия боролась бы с образом страны медведей – лучше было использовать его с достоинством так, как это сделали с олимпийским Мишкой в 1980 году.

Относительная выгода Словакии – ее малая известность за рубежом. Это дало нам возможность самим формировать брендинг, с которым мы хотим представлять нашу страну иностранцам. Не случайно, что после попыток агентства по туризму с логотипом *Маленькая большая страна*, на общегосударственном уровне процесс нового брендинга возглавило Министерство иностранных и европейских дел. Результат вполне достоин, с рифмой в наиболее расширенном английском варианте: GOOD IDEA SLOVAKIA. Он и

достаточно гибкий – говоря о культуре, можно сказать CULTURE IN SLOVAKIA – GOOD IDEA и таким образом о любой теме, представляющей Словакию. Перевод «хорошей» идеи на русский мы сочли слишком формальным и предпочли вариант СЛОВАКИА – КЛАССНАЯ ИДЕЯ. Правда, расширенные варианты сложнее, ввиду русской грамматики, но при творческом подходе можно сохранить рифму, например: ПУТЕШЕСТВИЕ И ОТДЫХ В СЛОВАКИИ – КЛАССНЫЕ ИДЕИ.

На сегодняшний день новый брендинг и его дизайн используются во всех государственных органах, им с удовольствием пользуются и неправительственные структуры, на основе бесплатной лицензии. При этом важно напомнить, что под поддержкой словацкой культуры подразумевается также поддержка культуры всех национальных меньшинств, проживающих испокон веков на территории Словакии, которые сообщают и формируют богатый и разнообразный культурный облик нашей страны. Не менее важным фактором является религиозное разнообразие – от доминирующего католицизма, через протестантизм, православие к значимому вкладу еврейской культуры в общесловацкое наследие.

Я упомянул пример Лондона, где я провел 5 лет, руководя посольством. Спецификой нашего посольства в Великобритании был тот факт, что, находясь в одном из мировых центров культуры, мы работали в условиях отсутствия культурного центра при посольстве – в наших реалиях он называется Словацкий институт. Работа со социальными сетями стала важной составной частью нашей деятельности. Твиттер, в общих чертах служит больше для общения с профессионалами, дипломатами, британскими представителями, а Фейсбук используется больше для контакта с соотечественниками.

Частью культурного влияния в Великобритании были издания переводов словацкой литературы. Сейчас в Москве идет работа вместе с Библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино над изданием произведения барда словацкой поэзии Павла Орсага Гвездослава «Кровавые сонеты» на русском языке к столетию со дня кончины поэта и столетию образования библиотеки.

Культурно-историческое общее наследие тоже важно культивировать со стороны диппредставительства – в Великобритании, где во время Второй мировой войны находилось чехословацкое правительство в изгнании и до 10 тысяч чешских и словацких солдат, где Сэр Николас Винтон спас сотни детей из оккупированной Чехословакии, до сих пор проживают их потомки. С Объединением памяти свободных чехословацких ветеранов посольства Словакии и Чехии тесно сотрудничают. Важно добавить, что проекты посольства в Лондоне, на которые не были выделены государственные средства, были поддержаны благотворительным фондом британского предпринимателя чешского происхождения с инвестициями в Словакии Яном Теленским. Часть его предков, кстати, принадлежала к белой эмиграции из России после 1917 года. В словацко-российской истории отношений можно найти также множество положительных примеров, способствующих дальнейшему развитию сотрудничества.

В этой статье приводится лишь часть примеров того, как дипломатические представительства в разных условиях могут способствовать развитию культурной и публичной дипломатии, чтобы развивать отношения между странами и народами даже в ситуации, когда политические отношения могут быть временно сведены к

минимуму. Работа эта, конечно, нелегка, требует много усилия и креативного подхода, особенно в положении ограниченных финансовых или человеческих ресурсов. Но отдача в форме лучшего восприятия своей страны за рубежом является ценным вознаграждением за труд каждого дипломата.

L'ubomír Rehák, PhD.

Ambassador of Slovakia to Russia

MODERN CULTURAL DIPLOMACY AS A FOREIGN POLICY TOOL - THE EXAMPLE OF SLOVAKIA

In a world of classical diplomacy, of summits, treaty signings, conferences and forums, but also from the point of view of the users of the consular and visa services of diplomatic missions, the support of culture sometimes seems to be just a kind of additional activity, of no comparable importance to the sharp end of political diplomacy.

However, the presentation of culture abroad, which is facilitated by diplomacy, has a number of undeniable positive effects. The state, through culture, carries out one of the main functions of foreign policy - to be perceived in the world community as a worthy player with a culture that makes a significant contribution to the global cultural heritage. Culture, with a skilful approach, is a significant soft power vector, influencing international relations. After all, culture is the business card of the country and every representative of it is obliged to use it. Unlike large countries, where cultural presentation is automatically included in soft power instruments and large funds are allocated for showcasing their country's celebratory days or even years of culture, small countries use cultural diplomacy to become more recognizable, to increase interest in their country and also to influence the growth of tourism. Among the tools that are successfully used is the promotion of information about UNESCO's world cultural heritage.

Slovakia is rich in material monuments of world heritage - castles, churches and fortresses, as well as in non-material heritage. Music performed on a wooden *fujara* - a wind instrument with a unique sound - is one such example. One of the presidents of Slovakia, Ivan Gašparovič, liked

not only to present the *fujara* to foreign guests, but he also played on it. By the way, I too can on occasion be persuaded to play soft tones on the *fujara* to my guests.

Sometimes the activity of cultural diplomacy is also important for overcoming stereotypes and mistakes in knowledge of the country among foreigners. Slovakia in this sense is an exemplary case – it used often to be the case that all the inhabitants of Czechoslovakia were known, for short, as Czechs. This stereotyping worked in both directions, however, and for the average inhabitant of Czechoslovakia every owner of a Soviet passport was also just a Russian. Slovakia is often confused with Slovenia because we both use the adjective “*slovensky*”, to describe our language although they are quite distinct. In London, my Slovenian colleague and I organized a series of events called “Distinguish Slovenia and Slovakia.” Realizing the hopelessness of this effort, we adopted a relaxed, even amusing approach, designed primarily to promote tourism and the economy. And, hey, our initiative was given a write-up in the *New Yorker* magazine.

Over the years of my diplomatic practice, I have always sought to spread knowledge of Slovakia's rich culture, while also appreciating the cultural influence of my host country and the countries of my colleagues in the diplomatic corps. It is good when a diplomat is personally disposed towards the perception of different kinds of culture; it makes it easier and more pleasant for him to engage in its presentation. I remember a humorous episode when one ambassador told an opera singer after the first section of a concert held at the embassy that perhaps we had had enough of operatic arias, and suggested she instead offer some fun and impromptu folk songs. I learned an important lesson on this occasion and, instead of long concerts, began to organize concert-cocktails, bearing in

mind that diplomats and embassy guests need above all the opportunity to converse. After a relatively short, say, half-hour concert, guests are invited to a small reception, where they can talk, not only about their impressions of the concert, but also about anything of interest. Cultural connoisseurs who want to give more attention and time to music, literature or the visual arts can have concerts and exhibition halls or theatres recommended to them, particularly if they host events related to their country or even with the participation of their embassy.

It is quite natural that each diplomat has his own personal profile and preferences, through which he influences the activities of the embassy. It is difficult to get an expert in the economy to pay excessive attention to supporting literature, or vice versa. In the sphere of culture, the classic example is the lazy division of diplomats into supporters of folklore, classics and contemporary art. By the number of events of each of these groups, connoisseurs can determine the cultural preferences of the organiser. Shifts at ambassadorial posts sometimes open up very new, unexpected horizons to which previous diplomats paid less attention. However, a balance needs to be found in the external presentation of a country, and this is important for central planning at the level of foreign ministries in cooperation with other central agencies. This applies to the presentation of the country and to its cultural activities. In the Slovak Ministry of Foreign and European Affairs, the Department of Cultural Diplomacy and the Department of Communications develop annual proposals for cultural events, usually tied to dates in the historical calendar or to different types of campaigns - the year of architecture, etc. There are special exhibitions prepared *à la carte*, offering visual arts presentations or

projects that can be easily mounted in the special conditions of diplomatic premises.

One recent and very successful example was The Year of Milan Rastislav Štefánik, held from April 2019 - the centenary of his tragic death in a plane crash - to July 2020, the 140th anniversary of his birth. Štefánik, our national hero, was an outstanding person in the early 20th century - astronomer, photographer, military pilot, General of the French air force, politician and diplomat, co-founder of Czechoslovakia. Slovak diplomacy has successfully carried out a number of events to refresh the memory of our national hero. The pandemic influenced some of the planned events - in London, for example, we planned to replicate a ceremonial dinner held at the Royal Astronomical Society, in which Štefánik participated in 1905. The dinner menu, still preserved, is among the documents in a new and interesting *book-museum* about Štefánik written by historian Michal Kšiňan. Through a mutual acquaintance, I was pleased to be able to present the book to The King of Tonga, His Majesty Tupou VI. Slovakia and this Polynesian island state still don't have diplomatic relations, but we are connected through Štefánik who on the Tongan island of Vava'ú conducted research into the solar eclipse in 1911. To this day, there is a preserved concrete base for optical devices built by Štefánik, who left his autograph on it there. Thanks to his short but active life, Štefánik provides a link between the Slovaks and many people around the world; that's why he is a favourite character for our diplomats in their quest to promote knowledge about our country in the world.

Štefánik, by the way, visited the Russian Empire several times - in 1907 with a French scientific expedition to Turkestan; he visited the Pulkovo Observatory in St. Petersburg, and also travelled to Yasnaya Polyana to

meet Leo Tolstoy and Dr. Dušan Makovický, Slovak, Tolstoy's family physician and Štefánik's friend. He also visited Russia several times during the First World War as a member of the Czechoslovak National Committee. In 1916 he was received by Emperor Nicholas II. As Minister of Defense ("War" at that time) of the new Czechoslovakia, General Štefánik arrived in November 1918 in Vladivostok to organize the return of over 50,000 Czechoslovak legionnaires from Siberia to their homeland. After crossing all of Siberia both ways, he left Russia on January 25, 1919. But on landing in Bratislava on May 4 on his return to Slovakia, where he had not been since 1913, his plane crashed, and Štefánik died at the age of 39.

Taking the example of Štefánik's life story, we can highlight the important role of personalities and historical events in public diplomacy with the goal of connecting and building understanding between different people. Similar connections between people and events can be found anywhere in the world - the question is how much desire is there to explore them and whether it is possible to use these points of contact for purposes that correspond to the interests of both sides. It is also important to add that the instruments of influence of public and cultural diplomacy need to be used naturally, sincerely, and without excessive exaggeration or pressure, otherwise they will miss their target. The presentation of the country and its reality should emphasize the authenticity that fits into the cultural perception of the country abroad. Stereotypes cannot be wished away, whether we like it or not. Russia will always be associated with its image as the bear country, and it is better to embrace that image with dignity, as was done with the Olympic Bear in 1980.

One possible benefit enjoyed by Slovakia is the paucity of knowledge about her abroad. This gave us the opportunity to invent a brand with which

to present our country to foreigners. It is no coincidence that after the attempts of our tourism agency with the slogan *Little Big Country*, the process of establishing a new branding was led by the Ministry of Foreign and European Affairs. The result is quite worthy, with a rhyme in its widely used English version: *GOOD IDEA SLOVAKIA*. It is quite a flexible slogan - speaking of culture, we can say *CULTURE IN SLOVAKIA - GOOD IDEA*, and similarly of any other topic we wish to use to showcase Slovakia.

Today, the new branding and its design are used in all government bodies, and they are enjoyed by non-governmental agencies, based on a free licence. At the same time, it is important to recall that support for Slovak culture also means supporting the culture of all national minorities who have been living in Slovakia for centuries; together they form the rich and diverse cultural heritage of our country. No less important is religious diversity - from dominant Catholicism, through Protestantism, Orthodoxy, to the significant contribution of Jewish culture to Slovak heritage.

I mentioned the example of London, where I spent 5 years leading the embassy. Our embassy in the UK, despite its location in one of the world's most prominent cultural capitals, operated without a dedicated cultural centre - we call them Slovak Institutes. Working with social media networks became an important part of our work. Twitter, in general terms, serves more to communicate with professionals, diplomats and British representatives, while Facebook is more commonly used to communicate with compatriots and diaspora.

As part of our cultural promotion work in the UK, we supported the translation of works of Slovak literature. Here in Moscow we are working together with the Library of Foreign Literature named after M. I. Rudomino on the publication of Russian translation of "Bloody Sonnets", poems of the

Bard of Slovak poetry, Pavol Orságh Hviezdoslav. In this way, we want to celebrate the centenary of the poet's death and the centenary of the establishment of the library in 2021.

It is also important for diplomatic missions to cultivate common cultural and historical heritage - in the United Kingdom, where during the Second World War there was a Czechoslovak government in exile and up to 10,000 Czech and Slovak soldiers, and where Sir Nicholas Winton brought hundreds of imperilled children from occupied Czechoslovakia, there still live many Czechoslovak descendants. The Slovak and Czech Embassies are working closely with the Memorial Association for Free Czechoslovak Veterans. It is important to add that the projects of the Embassy in London, for which no budgetary funds were allocated, were supported by the charitable foundation of a British entrepreneur of Czech origin with investments in Slovakia - Jan Telenský. Some of his ancestors, by the way, belonged to the white emigration from Russia to Czechoslovakia after 1917. No doubt we can identify many other positive examples in Slovak-Russian history of relations which can contribute to the further development of cooperation.

This article provides only a small number of examples of how diplomatic missions in different settings can promote cultural and public diplomacy in order to develop relations between countries and people, even in a situation where political relations might be temporarily minimized. This work, of course, is not easy; it requires a lot of effort and creativity, especially in the situation of limited financial or human resources. But witnessing the better perception of your country abroad is worthwhile remuneration for the work of any diplomat.

Translation: Magdaléna Reháková and Michael Roberts

РОССИЯ И МИР

Гуськов
Андрей Анатольевич
Посол Российской Федерации на Кубе

О РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА КУБЕ

Так сложилось, что моя профессиональная жизнь тесно связана с Латинской Америкой. За плечами длительные заграничные командировки в Колумбию, Перу (дважды), Аргентину, Бразилию. Многие коллеги в наших посольствах в тех государствах, да и в промежутке между командировками в Центре – в Латиноамериканском департаменте МИД – мне не раз задавали вопрос: «А на Кубе еще не работал?»

Дело в том, что «через эту страну» прошло и, уверен, в дальнейшем обязательно пройдет большинство наших дипломатов-латиноамериканистов. Крупное посольство, Генконсульство в Гаване, полноценная российская общеобразовательная школа при диппредставительстве, являющаяся значительным привлекательным моментом для тех, кто отправляется в командировку с детьми, – все это, безусловно, играет свою роль, но есть и другие очень существенные притягательные элементы.

Это, прежде всего, осознание того, что Куба была и остается одним из важнейших стратегических партнеров и союзников России не только в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, но и на международной арене в целом. Гавана, наряду с Москвой, входит в немногочисленный сегодня, к сожалению, список столиц, которые открыто, последовательно и твердо, невзирая ни на какие угрозы и козни оппонентов, отстаивают свои убеждения в необходимости уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, недопустимости подмены международного права неким «порядком, основанным на правилах», ведут активную работу в целях создания более справедливого и демократического, полицентричного мирового устройства. Такая близость принципиальных подходов России и Кубы обуславливает наше самое тесное взаимодействие в международных делах и в целом весьма активное развитие политического диалога.

Для нас, работающих здесь, это предполагает прямую причастность к подготовке и осуществлению многочисленных двусторонних контактов на высоком и высшем уровне. Пандемия нового коронавируса, конечно, внесла свои коррективы в череду этих встреч. Но если брать предэпидемический 2019 г., то их интенсивность говорит сама за себя. В том году состоялись визиты в Россию Президента, Заместителя Премьер-министра и Министра иностранных дел Кубы. В Москве прошло очередное заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Гавану посетили Председатель Правительства, Председатель Совета Федерации Федерального

Собрания, Секретарь Совета Безопасности, Министр иностранных дел и другие представители российского руководства.

Для дипломатов, да и технического состава российских загранучреждений в Гаване, это прекрасная школа. Следует понимать, что посольство вовлечено не только в чемоданно-организационную работу, но и в процесс выработки и достижения договоренностей, фиксирующих суть переговоров, в согласование и подготовку к подписанию двусторонних документов. Хочу отметить, что свою прямую причастность к этому делу ощущают в том числе и наши молодые дипломаты, которые сегодня составляют наиболее многочисленную группу сотрудников российского дипломатического представительства в Гаване.

Посольство принимает непосредственное участие в углублении межмидовского диалога. Я уже упомянул о встречах министров иностранных дел, которые проводятся с частотой не менее 2-3 раз в год. Важную роль играют также регулярные политические консультации между МИДами двух государств по актуальной глобальной, региональной и двусторонней тематике, проводимые на уровне первых заместителей и курирующих заместителей министров, а также директоров порядка десяти профильных департаментов, которые поочередно проходят в Москве и Гаване.

По опыту своей работы, в том числе на Кубе, убежден, что ключевое значение для выстраивания и укрепления стратегического партнерства с зарубежными странами, даже самыми близкими друзьями, имеет экономический фундамент наших отношений с ними. От его прочности во многом зависит высота строящегося всего

комплекса двустороннего сотрудничества, т.е. то, что и определяет долгосрочную стратегию взаимодействия.

Развитие плодотворных обоюдовыгодных торгово-экономических и научно-технических связей с Кубой – одна из главных задач российских загранучреждений в Гаване. Ключевая особенность нашего сотрудничества в материальной сфере состоит в необходимости учитывать ведущую роль в кубинской экономике государства и государственных предприятий (их доля составляет более 80%). Именно они выступают партнерами российских компаний. При этом проработка совместных проектов предусматривает самое активное участие в данном процессе заинтересованных министерств и ведомств с обеих сторон, в т.ч. выполняющего координирующие функции МИД и, соответственно, нашего посольства.

Особое значение в силу вышеуказанной специфики имеет деятельность Межправительственной Российско-Кубинской комиссии по торгов-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, возглавляемой на уровне заместителей председателей правительств двух стран. Это главная переговорная площадка, работа на которой «кипит» не только в ходе подготовки и проведения пленарных заседаний, но и в межсессионный период, когда поддерживаются интенсивные контакты по линии созданных в рамках Комиссии 14 рабочих групп. Диалог, развивающийся при непосредственном содействии российских загранучреждений в Гаване, охватывает самый широкий спектр направлений, в т.ч. энергетику, металлургию, транспорт и инфраструктуру, сельское хозяйство, науку и образование, медицину и биофармацевтику и др.

Большое внимание, особенно с учетом негативного влияния на экономику пандемии COVID-19, придаем согласованию с партнерами эффективных и обоюдоприемлемых схем взаимодействия. В последние годы в данном направлении сделано немало. При кредитной поддержке с российской стороны, в т.ч. коммерческих банков, расширены поставки на местный рынок и созданы линии сборки здесь отечественной высокотехнологичной продукции (грузовые автомобили, автобусы и др.). Российские компании включились в реализацию ряда крупных проектов, предусмотренных Планом социально-экономического развития Кубы до 2030 года. К примеру, ОАО «РЖД» планирует свое участие в модернизации железных дорог этой страны (общая стоимость проекта – 1,9 млрд. евро), ООО «ИНТЕР РАО – Экспорт» – в строительстве энергоблоков для здешних ТЭС (1,2 млрд евро).

Посольство погружено в работу по оказанию содействия продвижению этих и других двусторонних проектов. никоим образом не хочу возвеличить значимость и объемы нашей поддержки. Тем более, что мне есть с чем сравнить. В начале 2000-х годов я работал во втором департаменте стран СНГ МИД России, где курировал белорусское направление. По крайней мере, имею представление о действительно крупномасштабной деятельности и подразделений нашего Министерства, и загранпредставительств по укреплению сотрудничества в торгово-экономической, финансовой, научно-технической и других областях.

В этой связи, обращаясь, прежде всего, к молодым читателям журнала, интересующимся спецификой работы в МИД и российских загранучреждениях, хочу отметить, что экономическая дипломатия –

это очень востребованное ремесло, которым в нашем посольстве, к примеру, занимается целая отдельная референтура. У нее большой круг задач, включая развитие сотрудничества в области космоса, мирного атома, медицины и фармацевтики. Последнее направление приобретает особое значение в условиях пандемии нового коронавируса, поскольку обе наши страны находятся в авангарде международных усилий по борьбе с COVID-19. Как известно, Куба – пока единственная страна в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, которая создала, причем даже не одну, а пять собственных вакцин против SARS-CoV-2, и изготавливает препараты, демонстрирующие высокую эффективность в лечении вызываемых им заболеваний.

Применение кубинцами разработок собственной биофармацевтической промышленности позволило сдержать распространение нового коронавируса и даже начать принимать иностранных туристов в ноябре прошлого года. В числе первых Кубу после ее «открытия» стали массово посещать россияне. К середине мая 2021 г. здесь уже побывали 46 тыс. наших граждан, что сделало Россию главной страной-эмитентом туристов на Остров свободы. К слову, количество наших соотечественников, приезжающих отдохнуть на Кубу, неуклонно росло до 2019 г., когда достигло рекордных 178 тыс. человек.

Большое место в деятельности посольства занимает углубление российско-кубинского взаимодействия в образовательной сфере и расширение возможностей изучения кубинцами русского языка. В последние годы много сделано на этом направлении: в полной мере, с задействованием всей квоты, заработала программа «100 стипендий»,

выделяемых Правительством России для обучения граждан Кубы в вузах нашей страны, на базе Гаванского университета и Университета Гуантанамо открыты подготовительные факультеты по изучению русского языка отобранными для получения образования в России студентами. Всемерно поддерживаем укрепление прямых межвузовских связей, которыми охвачены более 40 университетов наших стран. Очередным крупным шагом должна стать реализация принятого кубинским руководством решения об обучении русскому языку по местному центральному телевидению.

На Острове свободы свято чтут память о подвиге Советского народа в Великой Отечественной войне, благодарны нашим героям-освободителям. Рука об руку работаем с партнерами в целях недопущения искажения истории и умалчивания правды о Второй мировой войне. Поддерживаем тесную координацию и взаимодействие с Гаваной в формировании международной атмосферы неприятия попыток героизации нацизма.

В последние десятилетия по-разному складывалась судьба отношений между нашими странами. Новый этап их развития наступил во второй половине 1990-х годов. Я был свидетелем этого начала. В июне 1996 г. на Кубу прибыл с визитом министр иностранных дел Е.М. Примаков, в составе делегации которого был и я. Помню, как мы приткнулись к иллюминаторам приземлившегося в Гаване спецборта, увидев, что Министра в аэропорту встречает Фидель Кастро. Это уже был ответ на наш сигнал: Россия возвращается на Кубу, в Латинскую и Карибскую Америку в целом. В ходе того визита и в дальнейшем был скреплен фундамент российско-кубинских отношений, на котором сегодня продолжается их строительство.

Новой вехой стало прошедшее в конце марта с.г. в Гаване XVIII заседание двусторонней Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Принятые на нем решения учитывают специфику влияния вызовов пандемии нового коронавируса на экономики наших стран и темпы их взаимодействия. Мы выстраиваем отношения, которые были бы защищены от внешнего воздействия, особенно в условиях продолжающейся весьма агрессивной политики блокады Кубы со стороны США.

Убежден, что предпринимаемые нами шаги служат укреплению российско-кубинского стратегического партнерства, а также установлению более тесных связей между народами наших стран. Для меня как руководителя посольства большая честь принимать непосредственное участие в этих процессах. Перефразируя классику советской эстрады, сегодня можно с уверенностью сказать: Куба хоть и далеко, но она совсем рядом!

Феоктистов
Дмитрий Валерьевич
Посол Российской Федерации в
Аргентине
кандидат исторических наук

РОССИЙСКО-АРГЕНТИНСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С
КОРОНАВИРУСОМ
И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
ПАРТНЕРСТВА

Впервые упомянутая в новостях в конце 2019 г. инфекция, получившая название коронавирусной, стремительными темпами распространилась на весь мир. Исключением не стала и географически отдаленная от изначальных очагов пандемии Аргентина. Первым заболевшим на ее территории стал 43-летний мужчина, вернувшийся 1 марта 2020 г. из поездки в Милан. В тот момент еще не все осознавали серьезность происходящего. Как результат, уже через две недели в стране было зарегистрировано 690 случаев инфицирования и 17 смертельных исходов.

События развивались быстро: 19 марта прошлого года президент Альберто Фернандес объявил о введении мер превентивной и обязательной социальной изоляции. В соответствии с новыми требованиями закрывались предприятия и школы, страна практически полностью перешла на дистанционный формат работы. Рестораны, кинотеатры, торговые центры опустели, спортивные и культурные

мероприятия были отменены, право пользования общественным транспортом серьезно ограничили. Туризм был сведен на нет, границы закрылись. Гражданам запретили выходить на улицы, кроме как для покупки продуктов питания и лекарств. Лица скрылись за масками, а силы правопорядка получили приказ задерживать и преследовать по закону нарушителей карантинных мер.

Введенные правительством Аргентины ограничения неоднократно продлевались и в итоге стали одними из самых продолжительных в мире. Население, наблюдая быстрый рост заражений новым вирусом, поначалу отнеслось к действиям властей с пониманием. Но постепенно в обществе начала накапливаться усталость от изнурительных запретов – общительные и жизнерадостные аргентинцы страдали, запертые в своих домах. Кроме того, карантин больно ударил по экономике страны. Разорились многие предприятия, особенно представляющие малый и средний бизнес. Благополучие населения неуклонно падало. На улицах появилось больше бездомных, вырос уровень преступности. К началу лета 2020 г. в стране прошли первые крупные протесты против санитарных ограничений. Правительству нужно было срочно искать выход из сложившейся ситуации.

Понимая, что впереди еще более непростые времена, глава государства А.Фернандес сделал ставку на Россию и недавно зарегистрированный ею препарат против коронавируса «Спутник V». Этот «прыжок веры» поначалу был воспринят в обществе неоднозначно – ведь на том этапе достаточных данных о результатах третьей фазы клинических испытаний «русской вакцины» еще не было опубликовано. Правительство тем временем вело планомерную работу

по обмену информацией с российской стороной – НИЦЭМ им. Н.Гамалеи и Российским фондом прямых инвестиций. После нескольких визитов в Москву и изучения объемных технических отчетов аргентинские эксперты убедились в качестве отечественного продукта и репутации его разработчика.

10 декабря 2020 г. между Минздравом Аргентины и РФПИ был заключен коммерческий контракт на поставку 20 миллионов доз вакцины (впоследствии расширен до 30 миллионов). Вскоре препарат получил одобрение регулирующего органа ANMAT для экстренного применения, и уже 24 декабря мы преподнесли прекрасный рождественский подарок нашим аргентинским друзьям – первую партию в 300 тысяч доз «Спутник V».

Этот долгожданный груз мы встречали в аэропорту Буэнос-Айреса вместе с главой правительства С.Кафьеро и министром здравоохранения Х. Гонсалесом Гарсией. Масштаб ликования в обществе невозможно было передать, на летном поле вакцину разгружали под аплодисменты. Люди наконец почувствовали надежду и силы для преодоления пандемии. Вскоре первые лица государства – президент и вице-президент – поставили себе «Спутник V», подав пример соотечественникам.

Наше двустороннее сотрудничество по противодействию коронавирусу, однако, не было безоблачным – представители оппозиции и отдельные СМИ неустанно нападали на российский препарат, сомневались в его безопасности и эффективности, искали скрытые мотивы в искренней помощи, предоставляемой нашей страной, пытались очернить усилия правительства в тяжелой борьбе за здоровье и жизни граждан. На каком-то этапе на главу

государства даже подавали в суд за якобы попытку «всучить населению смертельно опасную отраву».

Как показало время, ставка аргентинского руководства на российский препарат была чрезвычайно удачной – публикация о «Спутник V» в авторитетном международном журнале The Lancet разбила в пух и прах измышления оппонентов о мнимой неэффективности нашей вакцины. Став третьей страной в мире (после России и Белоруссии) и первой в Латинской Америке, зарегистрировавшей «Спутник V», Аргентина обогнала многие государства по старту прививочной кампании. Впоследствии А.Фернандес иронизировал, что оппозиция сначала называла его отравителем нации, а затем стала требовать «больше яда».

После запуска поставок в Латинскую Америку российская сторона столкнулась с временной нехваткой производственных мощностей для обеспечения постоянно растущего международного спроса – каждые несколько дней «Спутник V» одобряли в новой стране. И хотя этот процесс до сих пор продолжается, регулярность рейсов с вакцинами удалось вскоре наладить. Аргентина старается диверсифицировать источники поставок антиковидных средств, но российский препарат до сих пор остается бесспорным лидером прививочной кампании.

Важным шагом в совместных усилиях по противодействию COVID-19 стало подписание в конце февраля с.г. соглашения между РФПИ и аргентинской лабораторией Richmond о производстве в Аргентине «Спутник V» по российской технологии. Аргентинские коллеги с рвением приступили к реализации своего плана, первые изготовленные ими экспериментальные партии были в сжатые сроки отправлены в НИЦЭМ им. Гамалеи, где их качество было подтверждено.

4 июня с.г. в ходе телемоста, проводившегося в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума, президенты В.В. Путин и А. Фернандес дали совместный старт производству «Спутник V» в Аргентине. Глава Розового дома горячо благодарил Россию от имени своих соотечественников за помощь, оказанную его стране в трудное время, за возможность получить доступ к вакцине, спасшей жизни миллионов аргентинцев. Компания Richmond налаживает массовое производство препарата, надеется обеспечить вакцинами Аргентину, а затем и выйти на региональный уровень распространения этого стратегического продукта.

С момента активизации двустороннего сотрудничества по борьбе с коронавирусом в аргентинском обществе кратно повысился интерес к нашей стране – в ведущих газетах почти ежедневно выходят заметки о России, на телевидении обсуждаются свойства российского препарата. На электронную почту Посольства и аккаунты в социальных сетях регулярно приходят послания от рядовых аргентинцев, которые выражают благодарность за поставки «Спутник V» и пересылают нам фотокопии своих сертификатов о вакцинации. Некоторые обходят прививочные пункты, чтобы поставить себе именно «Спутник V», поскольку не хотят прививаться другой вакциной.

Несколько месяцев назад у российских посольств появилась возможность иммунизировать своих сотрудников. Мы воспользовались этим шансом, за что выражаем глубокую признательность руководству Российского фонда прямых инвестиций и лично К.А. Дмитриеву. Полученный из РФПИ «Спутник V» мы использовали и для оказания содействия в вакцинации другим российским загранучреждениям в

Аргентине, включая представителей СМИ, а также коллегам из роспосольств в ряде государств латиноамериканского региона.

Следует отметить, что еще до появления «Спутник V» Россия активно предлагала поддержку аргентинским партнерам, в частности, направляла предложения о поставках ПЦР-тестов и противовирусных препаратов, включая «Авифавир», «Коронавир» и «Артлегиа». В октябре 2020 г. меня приняла вице-президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер, с которой мы подробно обсудили перспективы двустороннего сотрудничества по противодействию пандемии (впоследствии прошло еще несколько таких бесед «с глазу на глаз»).

Закрытие границ хотя и не способствовало очным встречам лидеров наших стран, но не остановило их общения: с осени прошлого года состоялся ряд телефонных разговоров между В.В. Путиным и А. Фернандесом, и каждый раз эти контакты проходили в исключительно дружественной и искренней атмосфере. Как стало известно, глава Розового дома заболел коронавирусом, российский лидер сразу же позвонил ему, поинтересовавшись состоянием здоровья и предложив направить российских врачей и медикаменты. Кроме того, в июне с.г. А. Фернандес по видеосвязи принял участие в пленарной сессии ПМЭФ-2021, прошедшей под председательством В.В. Путина. В ходе своего выступления президент Аргентины напомнил о вызовах, с которыми сталкиваются страны в период пандемии, и подчеркнул важность всеобщей солидарности для преодоления глобального кризиса.

Рассчитываем, что тесное сотрудничество по борьбе с вирусом откроет новые горизонты взаимодействия и в других областях. Этому способствует близость подходов наших государств к основным

принципам современного мироустройства, включая приверженность многосторонности, уважение международного права, признание центральной координирующей роли ООН в мировых делах. С Аргентиной нас издавна связывают добрые и бесконфликтные отношения – в прошлом году мы отметили 135 лет с момента установления дипломатических отношений. Укрепляются чувства дружбы и взаимной симпатии между нашими народами (и в этом тоже немалая заслуга «Спутник V»).

Возможно, что уже в текущем году удастся организовать официальный визит президента А.Фернандеса в Россию. Надеемся, что встреча двух лидеров позволит придать весомый политический импульс российско-аргентинским связям, ознаменуется заключением конкретных договоренностей в тех сферах, где есть совместное желание добиться результатов в духе объединяющего наши страны всеобъемлющего стратегического партнерства.

Гельмут Шэфер

(Helmut Schäfer)

Политик из Свободной демократической партии Германии. В период с 1987 по 1998 гг. занимал пост государственного министра в МИД ФРГ. Член Бундестага с 1977 по 1998 гг.

НЕТ – НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»!

«Германия должна выработать критический и одновременно нацеленный на достижение взаимопонимания подход в отношениях с Россией и Китаем», – считает Гельмут Шэфер.

Во второй год пандемии и в период перед выборами в Бундестаг внешняя политика отходит для общества на второй план и поэтому практически не затрагивается в предвыборных программах политических партий. Если, конечно, не брать в расчёт привычные заявления о приверженности ЕС и НАТО, которые выступают в качестве её фундаментальной основы. Внешняя политика всё больше сводится к политике безопасности или ужимается до аспектов защиты прав человека.

Последняя тема, однако, характеризуется удивительной однобокостью, но при этом выражается в требованиях, угрозах и санкциях против тех государств, которые не ориентируются на коллективный Запад. Можно сравнить западные рестрикции по «делу

Навального» с отсутствием какой-либо реакции на убийство Д. Хашогги, жестокое обращение с Дж. Ассанжем или убийство иранского генерала К. Сулеймани и иранских учёных при помощи удалённо управляемых высокоточных дронов. Вспомним также неожиданно бурную активность по поводу положения уйгуров и полное равнодушие к судьбам палестинцев.

Война в Ираке была основана на лжи, повлекла за собой тяжёлые последствия, которые ощущаются и по сей день, и привела к ужасающему подъёму террористической группировки ИГ (запрещена в России – прим. пер.). Однако те, кто её развязал, так и не были привлечены к ответственности. После продвижения террористов ИГ вглубь Сирии и разрушения Пальмиры, одного из наиболее грандиозных мест мировой культуры, они были вытеснены оттуда сирийскими и российскими силами в ходе ожесточенных боёв с огромными потерями. К использованию аналогичных боевых методов пришли и американцы, но значительно позже, да и то лишь на северо-востоке Сирии и на севере Ирака. Поэтому тот, кто упоминает Алеппо, не должен умалчивать и о Мосуле.

Безопасность как «основное измерение российской внешней политики»

В свою очередь, в центре политики безопасности сегодня находится военное усиление блока НАТО. Министр обороны ФРГ Аннегрет Крамп-Карренбауэр говорит об этом как о важнейшем направлении сотрудничества, подразумевая мнимую угрозу со стороны России, которая, по её словам, всячески наращивает свои вооружения у границ НАТО. Видимо, ей неизвестно, что Россия, самая большая по

площади страна мира, граничит на востоке с новой мировой державой Китаем, а на западе – с военным союзом 30-ти государств-членов НАТО во главе с США, который каждый год проводит там свои учения.

Она также забывает о том, что Россия после распада Организации Варшавского договора вынуждена обеспечивать собственную безопасность без каких-либо военных партнёров, а её расходы на оборону во много раз уступают военному бюджету США и стран НАТО. Было бы неплохо, если бы она прислушалась к своему коллеге по партии Хорсту Тельчику, главному советнику бывшего канцлера ФРГ Г. Коля на многолетних переговорах с СССР вплоть до объединения Германии. Как один из лучших на сегодняшний день знатоков российского менталитета и политического курса, он предупреждает об опасности игнорирования права России на обеспечение собственной безопасности, которое есть и у всех остальных государств. Х. Тельчик справедливо отмечает, что «безопасность была и остаётся основным измерением российской внешней политики».

Это сыграло значительную и роковую роль при попытке вовлечь Украину – страну с границей протяжённостью более чем 2 тысячи километров, а также тесными историческими и экономическими связями с Россией – в западную сферу влияния, обрисовав возможность последующего вступления в НАТО. Здесь уместно вспомнить о Крыме, на котором расположен единственный российский черноморский порт Севастополь. Если бы также удалось «оторвать» его от России, то, по мнению Москвы, страна попала бы в полное окружение (если не принимать в расчёт Финляндию). Красная линия была пройдена. Вместо этого ЕС упустил свой шанс совместно с

Россией помочь ослабленному украинскому государству выбраться из бедственного положения.

О смысле существования НАТО

После распада СССР и роспуска ОВД меня часто спрашивали во время выступлений в США, почему после развала Советского Союза и последующего окончания «холодной войны» было необходимо сохранить дорогостоящий западный военный блок. Я отвечал, что государства-члены намерены переформатировать его в «сообщество ценностей», или, говоря по-английски, «а community of values». Мне было известно, что американцы не ценят абстрактных фраз, поэтому в ответ часто слышался скептический смех. Между тем альянс разросся до 30-ти государств и вновь превратился в военный блок.

В США к этому событию до сих пор, в отличие от местных натовских догматиков, относятся с умеренным воодушевлением, что связано с совершенно иными внутривнутриполитическими проблемами огромного масштаба. Сегодня всё чаще звучат голоса бывших сторонников расширения НАТО на восток, в том числе историка и колумниста германской газеты «Ди Вельт» Михаэля Штюмера, который отмечает, что этот процесс не привёл к «ожидаемой стабилизации мирового порядка». По его словам, «современная ситуация является более неопределённой и хрупкой, чем во времена «холодной войны», в состоянии которой мы уже находимся».

Сам Дональд Трамп подвергал необходимость существования НАТО сомнению, руководствуясь следующим принципом: «Если хотите, чтобы Североатлантический альянс и дальше защищал вас от России, то извольте хорошенько доплатить». К удивлению президента

Франции, А. Крамп-Карренбауэр по-прежнему остаётся при своём мнении о том, что безопасность Европы в долгосрочной перспективе может быть гарантирована только в союзе с США. Затихли разговоры об инициативе создания в среднесрочной перспективе совместной европейской оборонной модели.

Куда подевались такие понятия, как контроль над вооружениями и разоружение?

С другой стороны, здесь бездействовали, пока Трамп без оглядки на своих послушных союзников по НАТО в одностороннем порядке разорвал ядерную сделку с Ираном и соглашения, заключённые по итогам многолетних тяжёлых переговоров с Советским Союзом, а также инициировал новое масштабное увеличение военного бюджета США и планировал начать милитаризацию космоса.

Где же требования германских политиков, в срочном порядке возобновить переговоры по разоружению с Россией в качестве предпосылки для дальнейших уступок в отношении наращивания вооружений странами НАТО? Уместен вопрос, не забыли ли – возможно, по причине усугубляющегося незнания истории – современные внешнеполитические деятели, которые практически не имеют влияния в своих партиях, такие понятия, как контроль над вооружениями или разоружение. Так или иначе, дань уважения к своим успешным политическим наставникам им чужда.

Объединения Германии, которое стало заслугой нашего политического поколения, удалось достигнуть благодаря не постоянной конфронтации и продолжительным взаимным санкциям между условными «хорошими» и «плохими», но посредством политики

«изменения через сближение», в результате трудных, но в конечном счёте успешных переговоров и договоров, заключённых при значительных уступках с российской стороны. Однако сегодня здесь только и делают, что называют В.В. Путина «диктатором» или даже «убийцей», а А. Навального – «лидером демократической оппозиции», дабы внести в наши отношения ещё больший разлад.

Последним примером является масштабная кампания при поддержке США и некоторых стран из числа их восточноевропейских друзей-русофобов, призванная помешать реализации проекта «Северный поток – 2» при помощи шантажа и лживой аргументации. При этом целью американской нефтяной промышленности и её лоббистов в Конгрессе – таких, как сенатор Тэд Круз – остаётся обеспечение прибыльного бизнеса в виде транспортировки добытого методом фрекинга газа на кораблях из Луизианы через Атлантику вместо поставок по дну Балтийского моря.

В свою очередь, восточноевропейские противники проекта в тесном сотрудничестве со своими близкими друзьями из США делают ставку на срыв любых экономических соглашений между ЕС и Россией, дабы нанести ущерб российской экономике и, прежде всего, В.В. Путину, чего и требует А. Навальный.

Не без злорадства некоторые члены нашего сообщества ценностей хотели бы, чтобы в результате прекращения строительства газопровода Ангела Меркель, как активный инициатор данного проекта, важного не только для нашей, но и всей европейской экономики, а также отношений с Россией, с позором провалилась под конец своего последнего срока на посту федерального канцлера. Нельзя также молчать о том, что Россия продолжает снабжать Украину

газом через собственный газопровод по выгодным ценам. Около года назад контракт между странами на выгодных для Украины условиях был продлён министрами энергетики двух государств при посредничестве Германии. Остаётся надеяться, что недавно предложенная встреча между В.В. Путиным и президентом Украины состоится в обозримом будущем.

Становится всё очевиднее, что американский век подошёл к концу, а восприятие президента США как «лидера свободного мира» стало анахронизмом. После окончания Второй мировой войны США были единственной мировой державой. Невероятно быстрый рост Китая привёл к появлению новой силы, которая способна прокормить население численностью 1,4 млрд человек и по большинству показателей идёт вровень с США на экономическом и научном треках (вспомним недавнюю посадку марсохода), а в социальном отношении уже обошла США с их постоянно растущим неравенством между бедными и богатыми, а также проблемами в области здравоохранения. Лишь по военным расходам страна с населением, вчетверо превышающим население США, ощутимо – более чем в три раза – отстаёт от Америки. При этом расходы США на военные нужды превышают оборонный бюджет России более чем в 11 раз.

Сохранить традиционную дружбу с США

Недавно Китай, завершив переговоры длиной в восемь лет, совместно с 14-ю крупнейшими и преимущественно демократическими азиатскими государствами создал самую большую зону свободной торговли в мире, охватывающую 2 млрд человек, и таким образом

доказал, что обошёл США в Азии по показателям внешней и экономической политики.

Негодование американцев в этой связи вполне понятно. Показательно, что Сенат США впервые единогласно утвердил обе кандидатуры президента Джо Байдена: нового главу ЦРУ У. Бёрнса и нового министра торговли Д. Раймондо. Последняя ранее заявляла, что намерена действовать в отношении Китая жёстко. У. Бёрнс же полагает, что «борьба с враждебно настроенным руководством Китая является ключом к обеспечению национальной безопасности США». Эти высказывания не предвещают ничего хорошего.

Первым главой иностранного государства, которого Дж. Байден принял в Белом доме, стал премьер-министр Японии, приехавший обсудить тесное военное сотрудничество в целях сдерживания Китая. Становится ясно, что президент США рассчитывает на поддержку своих союзников.

Вместо этого нам совместно с европейскими друзьями необходимо сделать всё возможное, чтобы не позволить вовлечь себя в новые международные конфликты, а также выработать во всех отношениях критический, но нацеленный на взаимопонимание и рациональный подход к отношениям с Россией и Китаем. Нужно следовать следующему принципу: сохранять традиционную дружбу с США по тем вопросам, где это возможно, но и отстаивать, а при необходимости – активно защищать европейскую независимость.

Статья была впервые напечатана в газете «Berliner Zeitung» 5 мая 2021 г.

Helmut Schäfer ist FDP-Politiker und war von 1987 bis 1998 Staatsminister im Auswärtigen Amt.

Bitte keinen Kalten Krieg mehr!

Deutschland sollte auf ein kritisches und zugleich auf Verständigung zielendes Verhältnis zu China und Russland hinarbeiten, rät Helmut Schäfer.

Außenpolitik steht im zweiten Jahr der Pandemie und vor Bundestagswahlen im Hintergrund des öffentlichen Interesses, spielt deshalb in den Wahlprogrammen der politischen Parteien kaum eine Rolle, sieht man ab von den üblichen Bekenntnissen zu EU und Nato als ihrer Grundlage. Außenpolitik wird mehr und mehr entweder auf das Thema Sicherheitspolitik verengt oder auf Menschenrechtspolitik reduziert.

Diese ist allerdings von erstaunlicher Einseitigkeit gekennzeichnet, besteht sie doch vor allem in Mahnungen, Drohungen oder Sanktionen gegen nicht dem Westen zugeneigte Staaten. Man vergleiche die westlichen Strafmaßnahmen im Fall Nawalny mit den ausbleibenden Reaktionen auf den Mordfall Kashoggi, die grausame Behandlung von Julian Assange oder auf die ferngesteuerten, treffsicheren Drohnen bei der Ermordung des iranischen Generals Soleimani und iranischer Wissenschaftler. Dazu zählt auch das plötzlich heftige Engagement für die fernen Uiguren im Vergleich zu der Gleichgültigkeit gegenüber dem Schicksal der Palästinenser.

Die Verantwortlichen für den bis heute folgenschweren Irakkrieg, dessen Begründung auf Lügen basierte und dem die Terrormiliz IS ihren verheerenden Aufstieg verdankt, wurden nie zur Rechenschaft gezogen. Nach deren Eindringen tief nach Syrien bis hin zur Zerstörung von Palmyra, einer der großartigsten Stätten der Weltkulturen, mussten sie in erbitterten

Kämpfen mit schweren Kollateralschäden von den Syrern und Russen verjagt werden. Nur im Nordosten des Landes und im Norden des Irak schalteten sich sehr spät die Amerikaner mit den gleichen militärischen Mitteln ein. Deshalb: Wer Aleppo sagt, darf Mossul nicht verschweigen.

Sicherheit als „zentrale Kategorie russischer Außenpolitik“

Sicherheitspolitik dagegen steht heute ganz im Zeichen der militärischen Stärkung der Nato. Die deutsche Verteidigungsministerin Annegret Kramp-Karrenbauer begründet dies als wichtigste Maßnahme im Hinblick auf unsere angebliche Bedrohung durch Russland, das, wie sie sagt, an den Grenzen zur Nato massiv aufrüste. Ihr scheint nicht bewusst zu sein, dass Russland, von seiner geographischen Ausdehnung das größte Land der Erde, im Osten an die neue Weltmacht China, im Westen an ein militärisches Bündnis von 30 Nato-Staaten unter Führung der USA grenzt, das dort seine jährlichen Manöver abhält.

Sie übersieht auch, dass Russland seine Sicherheit nach der Kündigung des Warschauer Paktes ohne jedweden Bündnispartner verteidigen muss, seine Militärausgaben allein von denen der USA plus Nato um ein Vielfaches übertroffen wird. Sie sollte besser auf ihren Parteifreund Horst Teltschik, Kohls Chefberater bei den jahrelangen Verhandlungen mit der Sowjetunion bis hin zur deutschen Einheit, hören. Als einer der bis heute intimsten Kenner russischer Mentalität und Politik warnt er davor, außer Acht zu lassen, dass die Russen genauso wie alle anderen Staaten ein Recht auf Sicherheit beanspruchen, ja, „Sicherheit zentrale Kategorie russischer Außenpolitik ist und war“.

Das spielte auch eine maßgebliche und verhängnisvolle Rolle bei dem Versuch, die Ukraine mit ihrer mehr als 2000 Kilometer langen Grenze und

ihren historischen und wirtschaftlich engen Beziehungen zu Russland einer westlichen Einflusszone zuzuführen mit der Option, später der Nato beizutreten. Man denke anbei auch an die Krim mit Russlands einzigem Schwarzmeerhafen Sewastopol. Wäre das gelungen, so sah man das in Moskau, dann wäre Russland, von Finnland abgesehen, vollkommen eingekreist. Eine rote Linie war überschritten. Stattdessen hat die EU ihre große Chance verspielt, gemeinsam mit Russland dem maroden Staat aus seiner Misere zu helfen.

Vom Sinn der Nato

Nach dem Ende der Sowjetunion und der Auflösung des Warschauer Paktes wurde ich bei Vorträgen in den USA immer wieder darauf angesprochen, wieso nach dem Ende der Sowjetunion und damit des Kalten Krieges das teure westliche Militärbündnis weiter bestehen bleiben müsse. Ich verwies darauf, dass seine Mitgliedstaaten es in eine „Wertegemeinschaft“ umgestalten wollten, ins Amerikanische übersetzt „a community of values“. Mir war klar, dass Amerikaner nichts mit abstrakten Phrasen anfangen können, und tatsächlich ertete ich ungläubiges Gelächter. Inzwischen ist sie um ein Vielfaches auf 30 Staaten angehoben worden, allerdings wieder zum Militärbündnis zurückverwandelt.

Bis heute hält sich in den USA angesichts ganz anderer, enormer innenpolitischer Probleme die Begeisterung darüber im Gegensatz zu hiesigen Nato-Dogmatikern in Grenzen. Inzwischen mehren sich die Stimmen früherer Unterstützer der Nato-Erweiterung nach Osten wie die des Historikers und Welt-Kolumnisten Michael Stürmer, der feststellt, dass sie nicht zu der „erwarteten Stabilisierung der Weltordnung“ geführt habe.

„Die Lage ist heute unklarer und fragiler als zu Zeiten des Kalten Krieges, in dem wir uns bereits befinden“, so Stürmer.

Donald Trump selbst hat die Nato in Zweifel gezogen nach dem Prinzip: Wenn ihr sie weiter zu eurem Schutz vor Russland wollt, dann bitte kräftig nachzahlen! Zum Erstaunen des französischen Präsidenten bleibt Annegret Kramp-Karrenbauer bei ihrer Meinung, nur mit den USA sei die Sicherheit Europas langfristig zu garantieren. Von einer Initiative, mittelfristig ein gemeinsames europäisches Verteidigungsmodell auf den Weg zu bringen, ist nichts zu hören.

Wo sind Begriffe wie Rüstungskontrolle und Abrüstung geblieben?

Andererseits sah man hier tatenlos zu, wie Trump über die Köpfe seiner willfährigen Nato-Alliierten hinweg die in jahrelangen schwierigen Verhandlungen mit der Sowjetunion erreichten Verträge, dazu den Atomvertrag mit dem Iran einseitig kündigte und eine neue gigantische Steigerung des US-Militärhaushaltes betrieb sowie eine militärische Aufrüstung des Weltraums plante.

Wo bleibt die Forderung der deutschen Politik nach der dringenden Wiederaufnahme von Abrüstungsverhandlungen mit Russland als Voraussetzung weiterer Zugeständnisse zur Nato-Aufrüstung? Man darf die Frage stellen, ob unseren heutigen, in ihren Parteien kaum einflussreichen Außenpolitikern Begriffe wie Rüstungskontrolle und Abrüstung völlig abhanden gekommen sind, vielleicht aus zunehmender historischer Unkenntnis, jedenfalls aber ohne Rücksicht auf ihre erfolgreichen politischen Ziehväter.

Die unserer politischen Generation zu verdankende deutsche Einheit kam nicht durch permanente Konfrontation und dauernde gegenseitige

Sanktionen zwischen scheinbar Gut und Böse zustande, sondern durch den Wandel zur Annäherung in mühevollen, schließlich erfolgreichen Verhandlungen und Verträgen unter weitgehenden Zugeständnissen der russischen Seite. Heute aber reicht es, Putin zum Diktator oder gar Killer und Nawalny zum demokratischen Oppositionsführer zu stempeln, um das Verhältnis weiter zu zerrütten.

Letztes Beispiel war der massive, mit Hilfe der USA und einigen ihrer russophoben osteuropäischen Freunde betriebene Versuch, die Nordstream-2-Pipeline bis zur letzten Minute ihrer Fertigstellung mit erpresserischen Mitteln und verlogenen Argumenten zu verhindern. Dabei ging es der amerikanischen Ölindustrie und ihren Lobbyisten im Kongress wie Ted Cruz darum, sich ein lukratives Geschäft zu verschaffen, um statt der Ostseepipeline ihr gefracktes Gas per Schiff von Louisiana über den Atlantik zu transportieren.

Osteuropäische Gegner dagegen setzten in engem Schulterschluss mit ihren besonders engen Freunden in den USA auf die Verhinderung europäisch-russischer Wirtschaftsabkommen überhaupt, um der russischen Wirtschaft, vor allem aber Putin damit zu schaden, was auch Herr Nawalny forderte.

Nicht ohne Schadenfreude hätten wohl manche Mitglieder unserer Wertegemeinschaft mit dem Abbruch des Baus Frau Merkel gerne noch ein peinliches Desaster zum Ende ihrer Amtszeit bereitet, war sie doch eine verdienstvolle Initiatorin des nicht nur für unsere, sondern auch für die Wirtschaft anderer EU-Staaten und für unsere Beziehungen zu Russland wichtigen Projektes. Dass Russland die Ukraine daneben weiterhin mit einer eigenen Gasleitung zu günstigen Preisen versorgt, sollte man hier nicht unter den Tisch kehren. Der Vertrag wurde erst vor gut einem Jahr

von den Energieministern beider Staaten mit deutscher Vermittlung erneuert und zu günstigen Bedingungen für die Ukraine verlängert. Es bleibt zu hoffen, dass das dieser Tage vorgeschlagene Treffen zwischen Putin und dem ukrainischen Präsidenten bald zustande kommt.

Dass das amerikanische Jahrhundert zu Ende ist, Titel wie „leader of the free world“ für US-Präsidenten zu einem Anachronismus geworden sind, wird immer deutlicher. Nach dem Zweiten Weltkrieg waren die USA die einzige Weltmacht. Mit dem in unfassbarer Schnelligkeit gewachsenen China ist eine neue Macht entstanden, die heute ihre 1,4 Milliarden Menschen ernähren, wirtschaftlich und wissenschaftlich (man denke an die jüngste Marslandung) mit den USA weitgehend mithalten kann und in sozialer Hinsicht an den USA vorbeigezogen ist, vergleicht man die dort immer weiterwachsende Ungleichheit zwischen Arm und Reich oder die mangelhafte Gesundheitspolitik. Nur im Hinblick auf die Militärausgaben liegt das mit seinen Einwohnern viermal so große Land weit unter den mehr als dreimal so hohen Ausgaben der USA. Gegenüber Russland liegen deren Militärausgaben sogar mehr als elfmal so hoch.

Die traditionelle Freundschaft mit den USA erhalten

Nach achtjährigen Verhandlungen hat China vor kurzem mit 14 der bedeutendsten und vorwiegend demokratischen asiatischen Staaten die größte Freihandelszone der Welt für zwei Milliarden Menschen geschaffen und damit bewiesen, dass seine Außen- und Wirtschaftspolitik den USA in Asien den Rang abgelassen hat.

Der Ärger darüber in den USA ist verständlich. Und es ist bezeichnend, dass der US-Senat zwei Kandidaten von Präsident Joe Biden zum ersten Mal einstimmig bestätigt hat, den neuen CIA-Chef Burns und die

neue Handelsministerin Raimondo. Sie kündigte zuvor an, dass sie mit China hart verfahren werde; Burns, dass die Bekämpfung der „feindlich gesinnten Führung Chinas der Schlüssel für die nationale Sicherheit der USA“ sei. Das lässt auf nichts Gutes schließen.

Inzwischen hat Biden als ersten ausländischen Staatschef den japanischen Ministerpräsidenten im Weißen Haus empfangen, um eine enge militärische Zusammenarbeit mit Japan zur Eindämmung Chinas zu beraten. Es deutet sich schon an, dass er auch mit der Unterstützung der Alliierten rechnet.

Stattdessen sollten wir gemeinsam mit unseren europäischen Freunden alles tun, um uns nicht in weitere internationale Konflikte hineinziehen zu lassen, sondern mit China und Russland auf ein durchaus kritisches, aber auf Verständigung und Rationalität zielendes Verhältnis hinzuarbeiten. Darum muss es gehen: Da, wo es möglich ist, die traditionelle Freundschaft mit den USA erhalten, die europäische Unabhängigkeit jedoch zu wahren und notfalls auch energisch zu verteidigen.

Dieser Beitrag ist ursprünglich am 5. Mai 2021 in der „Berliner Zeitung“ erschienen.

Франк Эльбе

Чрезвычайный и Полномочный Посол
(в отставке), адвокат, публицист¹

О ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ - ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОВЕРЕННЫМ СТРАТЕГИЯМ

Объединение Германии и последовавшие за ним трансформации в Европе стали не прихотью истории, но результатом упорной и тяжелой дипломатической работы. Это был успех многолетней стратегии, начало которой положили «доклад Армеля» в НАТО и процесс КБСЕ. Объединение Германии было достигнуто без единого выстрела. Увенчало эти усилия подписание «Парижской хартии», которая должна была запустить процесс сближения между бывшими противниками.

В 1990 г. никто всерьез и не предполагал, что с объединением Германии наступил «конец истории». Не обошлось, однако, без оправданного скепсиса в отношении идеи Ф. Фукуямы из его книги

---

¹ С 1971 по 2005 гг. работал на дипломатической службе, преимущественно занимался отношениями между Западом и Востоком, а также вопросами безопасности и разоружения. С 1987 по 1992 гг. – спичрайтер министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, руководитель бюро министра иностранных дел, принимал участие в переговорах в формате «2+4» по вопросу объединения Германии, посол по особым поручениям, руководитель политического штаба и руководитель штаба планирования. С 1993 по 2005 гг. – посол ФРГ в Индии, Японии, Польше и Швейцарии. С 2006 г. – адвокат, сотрудничает с бюро «Kanzlei Kubicki & Schöler» в г. Киль.

«Конец истории» о том, что мир вступил в либеральную и бесконфликтную стадию развития. Тем не менее, казалось, что, как писал Б. Брехт, «муки гор позади – впереди муки равнин». Все участники «Парижской хартии» были убеждены, что дальнейшие события откроют дверь к широкому сотрудничеству от Ванкувера до Владивостока. К сожалению, этого не произошло.

Разочарования и упущенные возможности

Никто не ожидал, что спустя три десятилетия после окончания «холодной войны» мы окажемся в ситуации, когда все совсем потеряют голову, а границы между реальной угрозой и абсурдными, опасными инсценировками будут едва заметны.

Трагедия сегодняшнего дня состоит в том, что мы сошли с длительного сложного пути преодоления конфронтации через сотрудничество, укрепление доверия, разоружение и разрядку в целях повышения безопасности и, возможно, достижения мира. В провозглашенном М. Горбачевым «европейском доме», кажется, нет больше комнаты для России. Все популярнее становится мнение о том, что Россию лучше оставить вне «долгосрочного справедливого мирного устройства в Европе».

В сравнении с тем энтузиазмом, с которым на саммите НАТО в Лондоне в 1990 г. СССР протянули «руку дружбы», сегодня государства Альянса менее настроены на совместную с Россией работу над подходами к взаимодействию. Было бы неверно, однако, увязывать данный тренд с присоединением Крыма: такая тенденция наметилась многими годами ранее, когда Россия не давала повода для смены парадигмы в НАТО.

Мы не находимся на пороге военной конфронтации, но идем широкими шагами обратно в эпоху «холодной войны». Мы не препятствуем данной тенденции, а, скорее, пошатываясь, движемся в сторону пропасти.

Европейские и американские интересы расходятся

Европа, даже если некоторые страны и считают по-другому, однозначно заинтересована в устойчивых и предсказуемых отношениях с Россией. Такие отношения отвечают нашему историческому опыту, а также политическим и экономическим интересам. США в свою очередь делают ставку на политическую и экономическую изоляцию России.

Добрые отношения с Москвой – это вопрос жизненно важный. Безопасность может быть обеспечена только вместе с Россией, а не против нее. Лишь постоянное сотрудничество ядерных держав – США и России, – воспринимаемое обеими сторонами со всей серьезностью и укрепляющее взаимное доверие, сможет уберечь Европу от ядерной катастрофы. Европа сильнее, чем США пострадает от такого неблагоприятного развития событий. Если США откажутся сотрудничать с Россией, уберечь Европу будет невозможно.

С таким гигантским партнером, как Россия нельзя просто взять и разорвать политические и экономические связи. Экономическое развитие Европы от этого просядет. В США, однако, существуют политические круги, которые преследуют данную цель на протяжении вот уже нескольких лет. Они хотят сократить экономическую мощь ЕС и Германии и воспрепятствовать слиянию недорогой российской рабочей силы и сырья с германским капиталом и технологиями. На этот счет есть

интересная информация в интервью директора влиятельного аналитического центра «STRATFOR» Джорджа Фридмана для журнала «CICERO». Однако если США сами откажутся от синергии, которая возникает на пространстве взаимодействия от Ванкувера до Владивостока, самой Америке тоже будет нанесен значительный ущерб.

Классическая американская идея, ныне вновь обретающая популярность, исходит из убежденности в существовании миропорядка с единственной сверхдержавой в лице США. В своей книге «Великая шахматная доска» в 1997 г. Збигнев Бжезинский рекомендовал США держать под своим контролем Евразию и препятствовать возникновению конкурента, способного доминировать в данном регионе и тем самым представлять угрозу для Америки. По его словам, все потенциальные конкуренты США находятся на пространстве от Лиссабона до Владивостока. Такие установки дополнили вокабуляр национально-консервативного лагеря в США.

Задним числом появилось новое оправдание «холодной войны»: политика сдерживания СССР обосновывалась геополитическими интересами США. Примечательны в этой связи высказывания известного американского публициста «New York Times» Тома Фридмана на Мюнхенской конференции по безопасности 2008 г., которые позволяют нам лучше понять происходящее: «Мы ожидаем от вас, русских, что вы будете себя вести как западная демократия, но мы будем к вам относиться, как если бы вы по-прежнему были СССР. “Холодная война” завершена для вас, но не для нас».

Возвращение к проверенным стратегиям и целям

Политическая логика по-прежнему требует сохранения и укрепления трансатлантических отношений. Нет смысла сомневаться в целесообразности отношений с США и дальнейшего существования НАТО.

Европа – не остров, отрезанный от остального мира. Она зависит от сотрудничества с другими странами и регионами. Отношения между ЕС и США, безусловно, наиболее важная межконтинентальная связка в истории человечества. Других регионов, столь тесно связанных экономически, в мире нет. Европа нуждается в прочном партнерстве с США и наоборот.

Актуальность НАТО, еще в 1967 году выступившего за создание длительного и справедливого мирового порядка, сохраняется лишь в том случае, если Альянс останется верен своим целеустановкам. Баланс между «достаточной военной безопасностью» и политикой разрядки, сотрудничеством и разоружением, как было указано в «докладе Армеля», должен оставаться основным элементом западной политики безопасности. НАТО должно воспринимать себя в качестве политического союза. В последние годы это понимание размылось. Одно лишь сдерживание не может составлять суть политики. Альянс никогда не был военным блоком в чистом виде и не должен им становиться. В условиях меняющейся ситуации в сфере безопасности в Европе, НАТО должно быть готово стать частью новой системы коллективной безопасности.

Есть мнение, что «восточная политика» прошлых лет в нынешних условиях потерпела бы крах, поскольку актуальные проблемы куда сложнее. Однако ни в одну эпоху – и уж точно не сейчас – не было

большей угрозы для Европы, чем во времена «холодной войны». По обеим сторонам демаркационной линии, проходившей через Германию, находилось беспрецедентное количество вооруженных сил, танков, ракет, боевых самолетов и орудий. Это не мешало политикам стремиться к миру в Европе. Благодаря тому политическому курсу мы, как известно, вместе, а не в противостоянии с СССР достигли объединения Германии, вывода советских войск из Центральной Европы и роспуска Организации Варшавского договора.

Наше умение преодолевать кризисы должно быть использовано для буксующего вот уже несколько лет урегулирования украинского кризиса, а также разрешения противоречий в отношениях с Россией. Ситуация с Крымом стала катализатором кризиса несмотря на то, что Россия не один год неустанно предупреждала США о последствиях дальнейшего расширения их сферы влияния. С другой стороны, невозможно игнорировать реальные политические интересы США и России, стремящихся закрепить или расширить свои сферы влияния в регионе.

В 2016 г. Генри Киссинджер высказал интересную мысль. Памятуя о многовековой истории вторжения иностранных армий в Россию, он отметил: «Если границы безопасности России перемещаются на 1000 километров на восток от Эльбы в направлении Москвы, то ее представления о мировом порядке неизбежно приобретают стратегический компонент». Этими словами Киссинджер не пытался что-либо оправдать, а – как он подчеркивал – старался преодолеть существующую напряженность в отношениях.

Геополитические устремления всегда определяли действия государств. Ни одна нация не может утверждать о себе обратное.

Однако в современном миропорядке эти устремления – источник проблем. Современный кризис, вызванный ситуацией с Крымом, невозможно разрешить, делая акцент на правовые аспекты. Вводимые каждые полгода ритуальные санкции ЕС против России множат бюрократию, являются неэффективными и позорными. Они препятствуют какому-либо политическому решению кризиса. Как сказал бы Макс Вебер, уже давно наступило время «этики ответственности», а не «этики убеждений». Сейчас важно в интересах нашей безопасности перезапустить политический диалог и укрепить основы отношений с Россией. Нет повода искать для них новые параметры.

Последствия раскола

Последствия раскола между Европой и США были бы разрушительными.

Кому выгодно, чтобы курс американской дипломатии перестал быть понятным? Чтобы в результате не было перспектив положить конец кризису на Украине, первой прокси-войне в Европе? Чтобы Европа раскололась, а сплоченность Североатлантического альянса была разрушена? Чтобы возникла глубокая трещина в отношениях между Европой и Америкой и мы, европейцы, утратили партнерские связи с Россией и российским народом?

Глобализованный мир основывается на разделении труда, взаимозависимости, сотрудничестве и взаимном уважении. Для сохранения устойчивого развития, благополучия и безопасности должен действовать принцип: проблемы решаются лишь вместе, и ни

одно государство не должно присваивать себе право решать все в одиночку, а затем говорить остальным, что для них хорошо.

Политика, основанная на изоляции России, а не сотрудничестве с ней, противоречит нашим ценностям. Такая политика шла бы в разрез с нашей Конституцией. Ведь в ст. 26 Основного закона зафиксировано обязательство способствовать мирному сосуществованию народов. Это прямое юридически обязывающее предписание нашей Конституции, распространяющееся на всех: как на государственные органы, так и на каждого гражданина.

Мы открыты к любой форме сотрудничества, но не любой ценой. Наше сотрудничество требует равного партнерства, предсказуемости и взаимного уважения. Одновременно важно самим понять, что такое Европа и каково ее место в мире. Это также означает, что европейская экономическая мощь и вытекающее из нее политическое влияние должны сильнее закрепиться в сознании европейцев. Европа не досталась нам от американцев в качестве феодального надела, и мы не их вассалы. Европа – унаследованный нами континент, судьбу которого определяем мы сами. Без какого-либо благоговения мы должны напомнить Америке о ее политической ответственности. У нас есть право на предсказуемый внешнеполитический курс США. А американцы должны понять, что если у них по-другому не получается, то мы справимся и без них.

Zum Umgang mit Russland – Rückkehr zu bewährten Strategien von Botschafter a.D. *Frank Elbe*

Die deutsche Vereinigung und die anschließenden großen Veränderungen in Europa waren keine Laune der Geschichte, sondern das Ergebnis beharrlicher, diplomatischer Kärnerarbeit. Es waren die Erfolge einer jahrzehntelangen Strategie, die sich aus dem Harmel-Bericht der NATO und dem KSZE-Prozess ableitete. Die deutsche Einheit wurde erreicht, ohne dass ein einziger Schuss abgefeuert wurde. Der Prozess wurde durch die Charta von Paris gekrönt, welche die Entfeindung zwischen früheren Gegnern einleiten sollte.

1990 hatte niemand ernsthaft angenommen, dass mit der deutschen Wiedervereinigung das Ende der Geschichte gekommen wäre. Es war Skepsis gegenüber der von Francis Fukuyama in seinem Buch „Das Ende der Geschichte“ vertretenen These angebracht, dass die Welt nunmehr in eine „*liberale, konfliktfreie Entwicklung*“ eintreten würde, aber es schien schon so, dass wir - um mit Bertold Brecht zu sprechen - *die „Mühen der Berge hinter uns hatten, nun aber die Mühen der Ebenen vor uns lagen“*. Alle Beteiligten der Charta von Paris waren überzeugt, dass die weitere Entwicklung die Tür zu einer breiten Kooperation in dem Gebiet von Vancouver bis Wladiwostok aufstoßen würde. Das sollte sich leider so nicht erfüllen.

Enttäuschungen und verspielte Chancen

Es lag außerhalb jeglicher Erwartungen, drei Jahrzehnte nach dem Ende des Kalten Krieges, eine Lage vorzufinden, in der wir von allen guten Geistern verlassen worden sind und reale Bedrohung und absurdes, gefährliches Theater so nahe beieinander liegen.

Das heutige Drama besteht darin, dass der lange mühsame Weg, aus der Konfrontation über eine Politik der Zusammenarbeit, der Vertrauensbildung, der Abrüstung und Entspannung zu mehr Sicherheit zu gelangen, ja vielleicht einen Zustand des Friedens zu erreichen, verlassen worden ist. In dem von Gorbatschow beschworenen „europäischen Haus“ scheint kein Zimmer mehr für Russland frei zu sein. Die Meinung, dass Russland von einer *„dauerhaften und gerechten Friedensordnung in Europa“* besser ausgeschlossen wäre, gewinnt an Boden.

Die Bereitschaft der NATO-Staaten, mit Russland kooperative Ansätze zu entwickeln, ging immer mehr verloren – gemessen an jener Aufbruchsstimmung, als der Londoner NATO-Gipfel 1990 der Sowjetunion *„die Hand der Freundschaft“* reichte. Diese Entwicklung allein an der Annexion der Krim festzumachen, wäre fahrlässig. Sie hat schon viele Jahre früher eingesetzt, als Russland keinerlei Anlass für einen Paradigmenwechsel in der NATO gegeben hatte.

Wir befinden uns nicht in der Vorphase einer militärischen Auseinandersetzung, aber wir marschieren in Riesenschritten in den Kalten Krieg zurück. Wir bieten dieser Entwicklung keinen Einhalt, sondern taumeln eher einem Abgrund entgegen.

Europäische und amerikanische Interessen fallen auseinander

Europa hat – wenn es auch von einigen Ländern nicht so gesehen wird – eine eindeutige Interessenlage: beständige, berechenbare Beziehungen zu Russland. Sie entsprechen unseren geschichtlichen Erfahrungen und unseren politischen und wirtschaftlichen Interessen. USA setzen hingegen auf eine politische und wirtschaftliche Ausgrenzung Russlands.

Gute Beziehungen zu Russland sind überlebenswichtig. Es wird keine Sicherheit gegen Russland, sondern nur mit Russland geben. Nur eine kontinuierliche, ernsthafte und vertrauensbildende Zusammenarbeit der Nuklearmächte USA und Russland bietet Europa Schutz vor nuklearen Katastrophen. Europa würde von solchen Fehlentwicklungen stärker betroffen sein als die USA. Ein solcher Schutz wäre nicht mehr gewährleistet, wenn die USA die Zusammenarbeit mit Russland verweigern.

Man kann einen so gigantischen Partner wie Russland politisch und wirtschaftlich nicht einfach abkoppeln. Die wirtschaftliche Entwicklung von Europa würde einbrechen. Es gibt Kreise in den USA, die dieses Ziel seit Jahren hartnäckig verfolgen. Sie wollen das wirtschaftliche Gewicht der Europäischen Union und Deutschlands reduzieren und verhindern, dass sich die billigen Arbeitskräfte und die Rohstoffe Russlands mit deutschem Kapital und deutscher Technologie „vermählen“. Ein in *CICERO* veröffentlichtes Gespräch mit dem Chef des einflussreichen Think-Tanks *STRATFOR*, George Friedman, vermittelt hierzu interessante Einblicke. Aber die USA würden selbst erheblichen Schaden nehmen, wenn sie auf die Synergien verzichten würden, die sich bei voller Ausschöpfung der wirtschaftlichen Möglichkeiten im Kooperationsraum von Vancouver bis Wladiwostok einstellen.

Die klassische amerikanische, inzwischen wieder vorherrschende Vorstellung, geht von einer durch die USA als einziger Supermacht bestimmten Weltordnung aus. Zbigniew Brzezinski empfahl den USA 1997 in seinem Buch „*Die einzige Weltmacht*“ den eurasischen Kontinent unter ihrer Kontrolle halten, und keinen Herausforderer aufkommen zu lassen, der Eurasien beherrschen und so eine Bedrohung für Amerika darstellen

würde. Alle potentiellen Herausforderer der USA kämen aus dem Raum zwischen Lissabon und Wladiwostok. Seine Ansichten versorgten die national-konservativen Amerikaner mit neuen Stichwörtern.

Der Kalte Krieg erfuhr nun im Nachhinein eine veränderte Rechtfertigung: die Eindämmungspolitik gegenüber der Sowjetunion wurde mit geopolitischen Interessen der USA begründet. Das macht dann auch die merkwürdigen Ausführungen des bekannten amerikanischen Kolumnisten der *New York Times*, Tom Friedman, auf der Münchener Sicherheitskonferenz 2008 verständlicher: *„Wir erwarten von Euch Russen, dass Ihr Euch wie eine westliche Demokratie verhaltet, aber wir werden Euch behandeln, als wäret Ihr weiterhin die Sowjetunion. Der Kalte Krieg ist für Euch vorbei, aber nicht für uns“.*

Rückkehr zu bewährten Strategien und Zielsetzungen?

Politische Logik gebietet unverändert die Pflege und den Ausbau transatlantischer Beziehungen. Es macht keinen Sinn, die Beziehungen zu den USA und den Fortbestand der NATO in Frage zu stellen.

Europa ist keine Insel in der Welt – es ist vom Miteinander mit anderen Staaten und Regionen abhängig. Die EU und die USA unterhalten mit großem Abstand die wichtigsten Beziehungen zwischen zwei Kontinenten in der Geschichte der Menschheit. Sie sind die wirtschaftlich am stärksten miteinander verflochtenen Regionen weltweit. Europa braucht eine starke Partnerschaft mit den USA und umgekehrt.

Eine NATO, die schon 1967 die Schaffung einer dauerhaften und gerechten Friedensordnung forderte, bleibt aktuell, soweit sie ihren Zielsetzungen treu bleiben will. Das ausgewogene Gleichgewicht zwischen *„ausreichender militärischer Sicherheit“* und einer Politik der Entspannung,

Zusammenarbeit und Abrüstung – wie im Harmel-Bericht festgeschrieben – hat unverändert das wesentliche Instrument westlicher Sicherheitspolitik zu sein. Die NATO hat sich als politisches Bündnis zu verstehen. Dieses Verständnis ist in den zurückliegenden Jahren verwischt worden. Abschreckung allein kann keine Politik sein. Das Bündnis war nie eine reine Militärallianz und darf es auch in Zukunft nicht sein. Die NATO muss auch bei einer sich verändernden Sicherheitslage in Europa bereit sein, in einem neuen kollektiven Sicherheitssystem aufgehen zu können.

Einige meinen, dass die damalige Ostpolitik heute scheitern würde, weil die aktuellen Probleme viel schwieriger seien. Es hat zu keinem Zeitpunkt – und sicher auch nicht heute – größere Bedrohungen für Europa gegeben als zur Zeit des Kalten Krieges. Auf beiden Seiten der Demarkationslinie durch Deutschland gab es ein präzedenzloses Massenaufgebot von Streitkräften, Panzern, Raketen, Kampfflugzeugen und Geschützen. Es hat die Politik nicht aufgehalten, Frieden nach Europa bringen zu wollen. Wir haben mit dieser Politik die Wiedervereinigung, den Rückzug der sowjetischen Truppen aus Mitteleuropa und die Auflösung des Warschauer Paktes erreicht, bekanntermaßen nicht gegen, sondern mit der Sowjetunion.

Unsere Fähigkeit, Krisen bewältigen zu können, sollte lösungsorientiert auf die gegenwärtige, nun seit Jahren vor sich her dümpelnde Ukraine Krise und die Beziehungen zu Russland angewandt werden. Die Lage um die Krim hat die Krise maßgeblich verursacht, auch wenn Russland seit Jahren die USA immer wieder vor den Folgen einer weiteren Verschiebung ihrer Einflussphäre gewarnt hat. Andererseits geht es nicht an, die realpolitischen Interessen der USA und Russlands, ihre

Einflusssphären in der Region behaupten bzw. erweitern zu wollen, auszublenden.

Henry Kissinger hat 2016 einen bemerkenswerten Gedanken entwickelt. Er wies auf die jahrhundertealte Erfahrung Russlands mit Einmärschen fremder Armeen hin: „Wenn seine Sicherheitsgrenze sich von der Elbe 1000 km in Richtung Osten nach Moskau bewegt, wird Russlands Auffassung von einer Weltordnung eine unvermeidbare strategische Komponente enthalten“. Darin liegt keine Rechtfertigung, wohl aber – wie er selbst ausführt – ein Bemühen, die gegenwärtigen Turbulenzen zu überwinden.

Geopolitische Aspirationen haben das Handeln von Mächten seit jeher bestimmt. Kaum eine Nation wird für sich beanspruchen können, in einem Glashaus zu sitzen. In einer modernen Weltordnung sind sie jedoch ein Störfaktor. Die Lösung der aktuellen Krise wegen der Krim ist nicht über eine Versteinerung über der Rechtsfrage zu erreichen. Das Ritual der EU, alle sechs Monate Sanktionen gegen Russland zu verhängen, ist bürokratisch, abgestumpft und peinlich. Es verhindert jedwede politische Lösung. Dies ist längst nicht mehr die Stunde der „Gesinnungsethiker“, sondern der „Verantwortungsethiker“, wie Max Weber feststellen würde. Es geht darum, im Interesse unserer Sicherheit den politischen Dialog wieder aufzunehmen und die Stützpfeiler für die Beziehungen zu Russland wieder zu verstärken. Es besteht kein Anlass, im Umgang mit Russland neue Parameter zu definieren.

Die Folgen eines Auseinanderdriftens

Die Folgen eines Auseinanderdriftens zwischen Europa und den USA wären verheerend.

Wem nützt es, wenn die Ausrichtung der amerikanischen Diplomatie nicht mehr verständlich ist, wenn infolgedessen die Krise in der Ukraine – der erste Stellvertreterkrieg auf europäischem Boden – keine Aussicht auf ein Ende hat, wenn sich Europa spaltet, der Zusammenhalt des nordatlantischen Bündnisses zerbrechen würde, wenn tiefe Risse zwischen Europa und Amerika entstehen und wir Europäer Russland und seine Menschen als Partner verlieren?

Die globalisierte Welt beruht auf Arbeitsteilung, wechselseitiger Abhängigkeit, Zusammenarbeit und gegenseitiger Anerkennung. Wenn Entwicklung, Wohlstand und Sicherheit nachhaltig Bestand haben sollen, muss das Prinzip gelten, dass wir Probleme nur gemeinsam lösen können und kein Staat sich anmaßen darf, es alleine schaffen zu wollen und anderen mitzuteilen, was für sie gut ist.

Eine Politik die nicht auf Zusammenarbeit mit Russland, sondern auf Ausgrenzung abstellt, kollidiert mit unseren Wertvorstellungen. Sie wäre verfassungsfeindlich. Das Grundgesetz hat in Artikel 26 eine Verpflichtung verankert, das friedliche Zusammenleben der Völker zu fördern. Dies ist eine unmittelbar bindende Vorschrift unserer Verfassung; sie verpflichtet jedermann – staatliche Organe wie auch jeden Bürger.

Wir sind offen für jede Form der Zusammenarbeit, aber nicht um jeden Preis. Unsere Zusammenarbeit verlangt eine Partnerschaft auf Augenhöhe, Berechenbarkeit und gegenseitigen Respekt. Gleichzeitig ist es wichtig, sich darüber klar zu werden, was Europa ist und wo es in der Welt steht. Dies bedeutet auch, die wirtschaftliche Stärke Europas und den daraus folgenden politischen Einfluss stärker in das europäische Bewusstsein aufzunehmen. Die Amerikaner haben uns Europa nicht als Lehen gegeben, und wir sind nicht ihre Vasallen. Es ist unser angestammter Kontinent, über

den wir bestimmen wollen. Ohne jeglichen Ehrfurchtsgestus müssen wir jetzt Amerika an seine politische Verantwortung erinnern. Wir haben Anspruch auf eine berechenbare US-Außenpolitik. Und die Amerikaner müssen verstehen, dass, wenn es gar nicht anders geht, es auch ohne sie gehen wird.

Botschafter a. D. Frank Elbe, Rechtsanwalt, Publizist.

1971 bis 2005 im diplomatischen Dienst überwiegend mit Ost-West Beziehungen, Sicherheits- und Abrüstungspolitik befasst. 1987 bis 1992 Verwendungen als Redenschreiber für Außenminister Genscher, Leiter des Ministerbüros im Auswärtigen Amt, Verhandler bei den Zwei-plus-Vier-Verhandlungen über die Einheit Deutschlands, Botschafter zur besonderen Verwendung, Leiter des politischen Leitungsstabes und Leiter des Planungsstabes. 1993 bis 2005 Botschafter in Indien, Japan, Polen und der Schweiz. Seit 2006 Rechtsanwalt in Bonn - in Zusammenarbeit mit der Kanzlei Kubicki & Schöler in Kiel.

ИЗ ПРОТОКОЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Пересыпкин

Олег Герасимович

профессор, доктор исторических наук
Посол СССР в Ливии (1984–1986 гг.)

Ректор Дипломатической академии
МИД СССР/России (1986–1993 гг.)

Советник ректората Дипломатической
академии МИД России

КАК Я СТАЛ РЕКТОРОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД СССР

Январь в работе каждого посольства - очень напряженный месяц. Посольство пишет политический отчет, консульский отчет и другие отчеты, рассказывающие о достижениях дипломатического представительства в стране пребывания. Посольство СССР в Ливии не было исключением. Но для меня лично январь запомнился не только напряженной работой над посольскими документами.

13 января 1986 г. в Адане произошли правовые события: разногласия в партийном и государственном руководстве Южного Йемена приняли столь острый характер, что привели к вооруженным столкновениям. Положение осложнилось тем, что некоторые воинские части втянулись в бои, придав им ожесточенный кровопролитный характер. Из других сообщений следовало, что в ходе столкновений погибли Генеральный секретарь Йеменской социалистической партии Абдель Фаттах Исмаил и его ближайшие сподвижники.

Вряд ли нужно пересказывать в деталях произошедшие в Адане события. Йемен у нас хорошо знают и выражают и сегодня глубокие сожаления, что разногласия в правящей Йеменской социалистической партии приняли такой открыто конфронтационный характер. Более интересна реакция на эти события в Москве и других странах.

В период кровавых событий в Адане в Москве находились с рабочим визитом член Политбюро ЦК Йеменской социалистической партии премьер-министр Южного Йемена Хайдар Абу Бек аль-Атас и член Политбюро ЦК Йеменской социалистической партии министр иностранных дел Абдель Азиз ад-Дали. 17 января они были приняты членом Политбюро ЦК КПСС секретарем ЦК КПСС Егором Лигачевым и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС секретарем ЦК КПСС Борисом Пономаревым. Именно последний отвечал за межпартийные связи, и вспыхнувшие в Адане вооруженные столкновения были ему особенно неприятны.

В полученной мной в Триполи информации говорилось, что в ходе встречи были выражены серьезная озабоченность положением, сложившимся в Демократическом Йемене, и убеждение, что, каковы бы ни были причины междоусобных столкновений, им необходимо положить конец. Участники встречи были едины в том, что решения возникших проблем следует искать политическими средствами в рамках партийных и государственных институтов в Южном Демократическом Йемене. Продолжение кровопролития было бы выгодно лишь врагам южнойеменской революции, силам империализма и реакции. Советские и южнойеменские представители заявили о недопустимости любых попыток вмешательства извне во внутренние дела НДРЙ. Также была подчеркнута необходимость

скорейшей нормализации обстановки в НДРЙ и восстановления единства рядов ЙСП, что отвечало бы высшим интересам партии и народа¹.

На этой встрече советские товарищи посоветовали аль-Аттасу и ад-Дали обратиться к народу Южного Йемена с призывом прекратить кровопролитие. Мне трудно сегодня судить, за кого выступали эти два южнойеменских деятеля, но 19 января все телеграфные агентства мира передали следующее заявление: «С глубокой болью в сердце, говорится в обращении, мы восприняли сообщения о том, что 13 января 1986 г. начались вооруженные столкновения между товарищами и соратниками по совместной борьбе. Наша боль и горечь становятся еще большими от того, что эти столкновения не затихают, а продолжаются, причиняют все новые бедствия и страдания, ведут к трагическим последствиям, за которые дорого расплачивается не кто иной, как наш народ. Мы призываем положить конец этим столкновениям, спасти детей и стариков, женщин и мужчин от угрозы смерти, от страха и голода, проявить верность принципам партии, интересам отчизны и народа, нормализовать обстановку. Прекращение кровопролития стало сейчас национальным требованием, безотлагательное выполнение которого является обязанностью всех борцов Йеменской социалистической партии. Пора перестать разговаривать языком винтовок и орудий, восстановить ценности и нравственные нормы партии и народа. Сегодня, как никогда раньше, мы со всей решительностью требуем сохранить прогрессивный режим, ради создания которого наш народ принес огромные жертвы, требуем сорвать замыслы классовых врагов. Мы должны подняться до уровня

---

¹ «Правда», 18.01.1986.

национальной ответственности, осознать, что нам предстоит пройти большой многотрудный путь, чтобы ликвидировать последствия трагических событий, а это требует напряжения всех наших сил и возможностей, подчеркивается в обращении»¹.

Из разных источников до меня доходили сведения о том, что из Южного Йемена стали вывозить советских и других специалистов. Руководители Северного Йемена, Сирии и Ливии призвали конфликтующие стороны прекратить кровопролитие и решить спорные вопросы политическими методами. Представитель Генерального секретаря ООН заявил, что происходящие события являются внутренним делом и должны решаться без вмешательства извне.

Однако вскоре меня захлестнули события в Ливии, стране, за отношения с которой я, как Посол Советского Союза, нес прямую ответственность.

История этой страны, как и история Йемена, насчитывает не одно тысячелетие. Когда-то вся Северная Африка называлась Ливией. 1 сентября 1969 г. группа офицеров ливийской армии во главе с Муаммаром Каддафи свергла короля Идриса I и взяла власть в свои руки. М. Каддафи считал себя духовным наследником Гамаля Абделя Насера и его арабского социализма. Однако молодой ливийский лидер пошел дальше, и в мае 1977 г. была принята Декларация об установлении «власти народа» - Ливия стала называться Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия.

М. Каддафи разработал свою «третью теорию» мирового развития, имея в виду, что капитализм как первая, а социализм как вторая теория не оправдали надежд народов и не сделали их

---

¹ «Правда», 20.01.1986.

счастливыми. Основные положения этой теории изложены в «Зеленой книге» М. Каддафи и сводятся к реализации принципа «прямого народовластия» без административных институтов. По этой причине в Ливии не было президента, парламента и правительства. М. Каддафи являлся лидером революции и «источником революционной законности». При этом аналогом министерства является Главный народный комитет, правительства – Высший народный комитет, а парламента – Всеобщий народный конгресс во главе с Генеральным секретариатом. На более низком уровне работают народные собрания и комитеты, которые решают вопросы хозяйственной жизни и вносят свои рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики. Согласно теории М. Каддафи, в Ливии строилось подлинно социалистическое общество с учетом ценностей ислама.

Наши отношения с Ливией стали особенно активно развиваться после антимонархической революции 1 сентября 1969 г. Ведь группа офицеров ливийской армии, совершивших революцию и занявших ключевые посты, позиционировали себя как арабские националисты и наследники Гамалы Абделя Насера, выступающие против империализма. Подобный расклад устраивал Советский Союз в период «холодной войны», и наши отношения стали набирать силу. В 1984 г., когда я прибыл в Триполи, в Ливии находилось около 12 тыс. советских специалистов, которые работали в ливийской армии, сооружали газопроводы на побережье, работали в медицинских учреждениях и на других объектах. Ливийцы расплачивались за оружие и экономическое содействие поставками нефти, и поэтому моя основная задача сводилась к тому, чтобы отслеживать регулярность этих поставок в страны Западной Европы и на Балканы.

М. Каддафи не занимал никаких официальных постов и поэтому не принимал верительных грамот, не встречался, за редким исключением, с иностранными послами. Однако от него зависело решение многих вопросов в наших отношениях, и поэтому я попросил о приеме у него не как посол, а как востоковед, к тому же увлеченный его теорией мирового развития. Ответ последовал почти сразу, и я отправился на встречу, неся с собой книгу – комментарий к Корану, написанную в Северном Йемене двести лет тому назад и купленную на Сук аль-Мильх в Санае, где продавали много книг из разграбленных дворцов видных монархических деятелей. Через час ожидания в приемной вышел М. Каддафи, мы сели за письменный стол и после обмена приветствиями стали искать дату написания подаренной ему книги, которую обычно указывают в самом конце текста. М. Каддафи хлопнул в ладоши, и тут же появились фотограф и телеоператор, которые запечатлели эту сцену. Впоследствии я не раз встречался с М. Каддафи в его резиденции и в его знаменитом шатре.

В начале 1986 г. пропагандистская война между Ливией и США достигла апогея. М. Каддафи купил на 15 минут информационный спутник и на английском языке обратился к американцам и президенту Р. Рейгану с предложением создать на территории США три самостоятельных государства: для афроамериканцев, для коренных индейцев и потомков белых английских поселенцев. Причем Рейгану, потомки которого прибыли на американский континент из Ирландии, разумеется, места в схеме М. Каддафи не нашлось. После предложения М. Каддафи насчет раздела США я встретился с ним и сказал, что его выступление можно расценить как вмешательство во внутренние дела США, а это вряд ли допустимо. М. Каддафи посмотрел на меня с

удивлением: «США вмешиваются во внутренние дела моей страны, и это им можно. А почему я не могу вмешаться во внутренние дела США?» – сказал он.

В апреле 1986 г. на одной из дискотек в Западном Берлине произошел взрыв, в результате которого один американский солдат погиб, а второй был ранен. В организации теракта обвинили ливийцев. Повод был найден, и в ночь с 14 на 15 апреля 1986 г. около ста американских самолетов, находившихся на базах Великобритании и кораблях 6-го флота США в Средиземном море, нанесли удар по Триполи, Бенгази и другим городам. «Мы в Ливии не плели заговоров с целью убийства кого-либо и не несем ответственности за акции, осуществленные в Европе или каком-либо другом месте», – заявил М. Каддафи. – «Мы не являемся ни убийцами, ни террористами, как утверждает Рейган. Именно Рейган направил свои самолеты для разрушения наших домов, школ, уничтожения наших людей, убийства детей и женщин».

16 апреля 1986 г. меня вызвал М. Каддафи. В машине с затемненными окнами мы долго кружили по Триполи, потом резко нырнули вниз и оказались в подземном бункере. М. Каддафи стал упрекать Советский Союз в том, что он остался в стороне и не поддержал своими войсками и военно-морским флотом ливийцев, не заставил своих союзников из социалистического лагеря прийти ему на помощь. Подобные обвинения высказывались и впоследствии. Я отвечал, что СССР не может воевать на стороне Ливии, мы друзья ливийцев, будем помогать оружием, оказывать морально-политическую поддержку, но посылать своих солдат или вступать в конфликт с 6-м американским флотом в Средиземном море мы не

будем. Действительно, в советской печати появились разоблачительные антиамериканские статьи, демократические организации – профсоюзные, молодежные, женские и другие – по нашей инициативе приняли заявления, осуждающие налет США на Ливию, мы выступили в поддержку обсуждения этого вопроса в ООН. Но М. Каддафи считал, что этого недостаточно и мы должны были послать свои войска для защиты Джамахирии.

Складывалась очень напряженная обстановка, однако у меня было впечатление, что США ограничатся одним налетом и других воздушных атак не последует. Каждые два часа я докладывал в Москву о ситуации в Ливии, о том, какие шаги предпринимают ливийцы, что нужно сделать нам. В Москве была создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК КПСС Егором Лигачевым для изучения ситуации и принятия необходимых мер. Мы вели точный счет советских специалистов, работавших в Ливии, инструктировали, как вести себя при очередном налете. Наши специалисты работали, разумеется, не только в Триполи, но и в Себхе, Бенгази, Мисурате и других городах. Данные о количестве наших специалистов в Москве получали не только от посольства, но и других ведомств, работавших в Триполи.

20 апреля 1986 г. я получил указание из Москвы начать подготовку к эвакуации советских граждан из Ливии. Москва просила указать координаты точек на побережье, куда могут пристать советские суда для того, чтобы принять на борт наших специалистов и членов их семей, указать аэродромы, куда могут приземлиться наши самолеты. Причем из информации, полученной из Москвы, следовало, что решение об эвакуации было принято на заседании Политбюро ЦК КПСС. В это время в Ливии работало около 6 тыс. наших специалистов

и несколько тысяч членов их семей: всего около 10 тыс. человек, и организовать их вывоз из страны было чрезвычайно сложно. Самолет ТУ-154 брал на борт 150 человек. Сколько же нужно было самолетов, чтобы вывезти всех людей? Что касается кораблей, то было совершенно неизвестно, какие должны быть корабли и сколько человек они смогут взять на борт. Более того, 21 апреля ко мне срочно, без предупреждения, приехал болгарский посол Ишпеков, который получил информацию из Софии о начале эвакуации советских специалистов, и он хотел, чтобы мы взяли на борт советских кораблей и самолетов еще и болгарских специалистов, численность которых с семьями составляла около 25 тыс. человек. По его словам, заместитель министра иностранных дел Леонид Ильичев после решения Политбюро ЦК КПСС пригласил послов социалистических стран, граждане которых работали в Ливии, и информировал их о принятом решении, добавив, что советское посольство окажет содействие нашим друзьям в организации эвакуации их граждан, если они пожелают присоединиться к советским специалистам. Мы с Ишпековым посчитали количество человек, и оказалось, что нам необходимо вывезти из Ливии 75 тыс. человек, для чего потребуются десятки судов и сотни самолетов. Более того, организовать этот исход теоретически было очень сложно: Ливия – суверенное государство, и ее официальные власти должны были дать разрешение на заход советских судов в территориальные воды своей страны и полет советских самолетов в ее воздушном пространстве. Мы были как бы неофициальными заложниками ливийских властей, и наш отъезд из страны явно не входил в их планы. В случае любого осложнения ситуации американцы не рискнули бы бомбить объекты, где работали

наши специалисты. Поэтому я был почти уверен, что в случае обращения с такой просьбой к ливийским властям никаких разрешений на эвакуацию они не дадут, а начинать эту операцию без них было невозможно: наши ливийские ученики сбили бы самолеты и потопили бы наши корабли теми же ракетами, которыми мы их обеспечили.

Москва поставила наше посольство в Ливии в очень сложное положение, но вопрос нужно было решать. 21 апреля всю ночь я сидел и сочинял телеграмму, суть которой сводилась к тому, что американский налет в ночь 14 апреля был единичным и вряд ли повторится. Даже в случае повтора американцы будут бомбить отдельные объекты военного назначения и не будут высаживать десант для оккупации страны. Я написал: «В этой связи считаю, что эвакуировать наших специалистов, а с ними и граждан социалистических стран, нам не следует. В случае опасности можно эвакуировать женщин, детей и тех специалистов, без которых можно обойтись, но всеобщую эвакуацию осуществлять не следует». Телеграмма в Москву заканчивалась словами «Прошу указаний».

Три дня Москва молчала. Затем пришла телеграмма, в которой мне подробно объясняли, что Политбюро ЦК КПСС является директивным органом в Советском Союзе и его решения являются обязательными для выполнения всеми учреждениями организациями, в том числе за рубежом. И в самом конце текста на две страницы была фраза: «С Вашим предложением согласны. Э. Шеварднадзе».

Эта фраза означала, что Политбюро ЦК КПСС после моей телеграммы и соответствующей аргументации пересмотрело свою точку зрения и отменило ранее принятое решение об эвакуации. Это был очень редкий случай, когда Политбюро ЦК КПСС фактически

признало свою ошибку, тем более что за ошибочным решением об эвакуации стоял жесткий по характеру Егор Лигачев, считавшийся лидером консервативного крыла в ЦК КПСС и фактическим оппонентом либерала Михаила Горбачева. Не знаю, как была оценена моя позиция в ЦК КПСС, но в МИД СССР удивились моей смелости, которая могла стоять мне должности посла в Триполи и работы в Министерстве иностранных дел. Но мой личный авторитет как посла и востоковеда значительно возрос, и это я почувствовал очень скоро.

В мае 1986 г. в МИД состоялось совещание послов и руководящего состава министерства. Заранее всем послам было рекомендовано приурочить к этому времени свой отпуск, чтобы присутствовать на совещании, на котором должен был выступить Михаил Горбачев. Это было важное событие в жизни МИД СССР, и все к нему готовились. Мне сообщили из Москвы, чтобы я подготовил выступление на 10 минут на этом совещании, что я расценил как особый знак внимания к себе лично и моей работе в Триполи.

В первый день совещания выступили Эдуард Шеварднадзе и Михаил Горбачев, затем слово предоставили представителям некоторых министерств и трем-четырем послам. Среди этих послов оказался и я. В своем выступлении я рассказал о двусторонних советско-ливийских отношениях, налете американской авиации на Триполи и Бенгази, помощи и моральной поддержке, которую оказали нам родная Коммунистическая партия и руководство МИД СССР. Остальные послы выступали на региональных совещаниях, которые проводили заместители министра иностранных дел, курирующие тот или иной регион. Выступить на пленарном заседании в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро ЦК КПСС, кем

являлся Эдуард Шварнадзе, было очень престижно, и мой авторитет стал еще выше.

В июне я вернулся в Триполи, который все еще гудел от антиамериканских демонстраций и резких заявлений лидера ливийской революции и его сподвижников. В конце июля 1986 г. пришла короткая телеграмма: «Ваша кандидатура рассматривается на должность Ректора Дипломатической академии МИД СССР. Сообщите свое мнение».

Здесь уместно напомнить историю Дипломатической академии. В 1934 г. для подготовки дипломатических и консульских работников в Москве в рамках МИД СССР был создан специальный Институт, который в августе 1939 г. был преобразован в Высшую дипломатическую школу, и ее первый выпуск состоялся в 1941 г. в год начала войны с фашистской Германией. Развитие международных связей Советского Союза после войны требовало квалифицированных специалистов для решения новых задач. Поэтому в 1974 г. Высшая дипломатическая школа была преобразована в Дипломатическую академию МИД СССР, в рамках которой существовали трехгодичные и двухгодичные курсы, 10-месячные курсы повышения квалификации и различные краткосрочные курсы и семинары. На должность Ректора, как правило, назначали человека, имеющего дипломатический ранг посла и ученую степень. Ректор не только руководил этим престижным учебным заведением, но и был членом коллегии МИД, на которой принимались решения о тактических шагах по реализации стратегической линии, разрабатываемой в недрах ЦК КПСС и приближенных к нему академических институтах¹.

---

¹ Журнал АН СССР «Новая и новейшая история», № 2. Москва, 1985.

Сделанное мне предложение было весьма заманчивым. Я являлся действующим послом, доктором исторических наук и кандидатом экономических наук, членом Союза писателей СССР, автором десятка книг. Моя докторская диссертация была посвящена йеменской революции на севере и юге страны, а кандидатская – проблемам иранской нефти. Я успел поработать в Институте стран Азии и Африки при МГУ, где читал лекции по истории Ближнего Востока и этнографии арабских народов. Более того, я уже шесть лет работал за границей и думал о возвращении к той работе, которую мне могли предложить в МИД. А поступило предложение конкретной самостоятельной руководящей работы, тем более что работа в Ливии была очень тяжелой и я не намеревался держаться за нее. Мой ответ был коротким: «Согласен. Благодарю за доверие». В начале августа 1986 г. было принято решение ЦК КПСС о моем отзыве с поста посла СССР в Триполи и назначении на должность Ректора Дипломатической академии, и я попросился в Москву.

Меня принял министр Э. Шеварднадзе. Я поблагодарил его и попросил разрешения вернуться в Триполи, чтобы нанести прощальные визиты и организовать прием по случаю своего отъезда. Для этого мне была дана всего одна неделя, поскольку учебный год в Дипломатической академии начинался 1 сентября.

Я вернулся в Триполи, посетил нескольких послов и ливийских деятелей, организовал небольшой прием. М. Каддафи меня не принял: он был обижен, что посла отзывают в тот момент, когда Ливия продолжает оставаться объектом агрессивных происков США. А когда приедет новый посол и как быстро он войдет в курс дела, ливийцы не знают. Я улетал из Триполи с определенным чувством сожаления. М.

Каддафи меня не принял, как будто я был виноват в том, что меня отзывают в Москву. В этой связи мне вспомнился прощальный визит к президенту А.А. Салеху в Йемене, который перед отъездом в Ливию принял меня и благодарил за большую работу по развитию советско-йеменских отношений.

Сразу после возвращения в Москву меня вызвали в Городской комитет КПСС, который возглавлял Борис Ельцин. По существующим правилам меня должен был, кроме приказа по МИД СССР, подписанного Эдуардом Шеварднадзе, утвердить Городской комитет КПСС, поскольку я работал на его территории. После нескольких бесед с инструкторами Горкома меня принял Борис Ельцин. На следующий день состоялось заседание Горкома КПСС, которое вел Б. Ельцин. На этом закончилось мое окончательное оформление на должность Ректора Дипломатической академии, и я приступил к работе.

В здании Дипломатической академии в Большом Козловском переулке состоялось собрание коллектива Дипакадемии. Замминистра В. Никифоров сообщил, что на должность Ректора Дипакадемии руководство МИД СССР рекомендует О.Г. Пересыпкина, посла, доктора исторических наук. Все присутствующие, естественно, согласились, и я занял кабинет Ректора. Но мои отношения с Ливией продолжали развиваться, видимо, там помнили меня как посла и в апреле 2006 г. пригласили на международную конференцию по случаю двадцатой годовщины американской бомбардировки ливийских городов. Кроме ливийских ученых прибыло около 100 человек из США, Дании, Франции, и я представил свой доклад, в котором сказал следующее: «Внутренняя и внешняя политика М. Каддафи вызывала раздражение США. После революции 1969 г. ливийцы ликвидировали базы США и Британии на

своих территориях и подписали соглашение с Советским Союзом и странами Варшавского договора. М. Каддафи поддерживал национально-освободительные движения в Африке, оказывал моральную поддержку и материальную помощь некоторым коммунистическим и рабочим партиям в Европе и на Ближнем Востоке. Исходя из своей «третьей мировой теории», он делал акцент на реализацию принципа «прямой демократии» путем создания различных народных комитетов и сотрудничества общественных организаций, а не правительств и официальных государственных структур. Разумеется, активная пропаганда была частью антиамериканской линии ливийского руководства. Со своей стороны, американцы не стеснялись в выражениях в своей пропаганде против Ливии и лично М. Каддафи, приписывали ему организацию различных терактов, регулярно устраивали вооруженные провокации на протяженных водных рубежах страны, постоянно нарушали воздушное пространство».

На семинаре открыто говорилось, что США присвоили себе право определять обвиняемого и наказывать его вопреки существующим нормам международного права и Устава ООН. Бельгийский юрист Ф. Вильмонт говорил, что сегодня в мире сложились два подхода в области международного права – нормы международного права, вытекающие из многосторонних конвенций и Устава ООН, и нормы права США, которые считают для себя необязательным уважать сложившиеся нормы и действуют сугубо в своих корыстных интересах. Бельгийский юрист считал, что мир стоит на пороге опасного кризиса, а это чревато тяжелыми военными и политическими потрясениями, если США не вернуться в лоно международного права. Для этого нужно

вести с США диалог и попытаться убедить их отказаться от порочной и эгоистичной практики.

На это замечание отреагировал профессор Бирмингемского университета Т. Келли, который сказал, что история не знает примеров, когда «сильный отказывался бы от своего права использовать силу в своих интересах». По словам английского профессора, США, будучи сильной державой, не пойдут на диалог и будут продолжать свою линию на применение силы.

На семинаре большинство выступающих, особенно из арабских и африканских стран, подчеркивали, что США продолжают свою враждебную линию в отношении арабских государств. Приводились примеры варварских действий армии США в Югославии, Афганистане и особенно в Ираке. США критиковали за поддержку Израиля в палестино-израильском противостоянии, оказание давления на Сирию и вмешательство во внутренние дела других государств под лозунгом защиты демократии и прав человека.

В принятом итоговом документе осуждался государственный терроризм и нарушение положений Устава ООН, осуждалось применение силы и подтверждалось право Ливии требовать от США возмещения материального и морального ущерба.

Действия США в отношении Ливии в 1986 г. представляли собой отражение идеологической борьбы М. Каддафи и США и их западных союзников, причем политическая цель США, судя по всему, сводилась к тому, чтобы запугать ливийского лидера и заставить его отказаться от практических шагов по претворению принципов «прямой» демократии и национально-освободительного движения.

Участники приняли обращение к мировому сообществу с требованием осудить использование силы в международных отношениях и все призывы к войне и борьбе цивилизаций, уважать Устав ООН, который необходимо изменить с учетом требований современности, одобрить призыв строить внутреннюю жизнь государств на принципах «прямой» народной демократии, поскольку все другие схемы, сложившиеся ранее, не отвечают интересам народов.

Семинар закончился довольно необычно. В казармах Азизии была устроена сцена, на которой первой появилась дочь ливийского лидера Айша Каддафи и очень эмоционально рассказала о своих детских впечатлениях от американской бомбардировки, о запавших ей в память разрушениях, убитых женщинах и детях. Она призвала считать этот день траура и скорби днем мира и согласия, призвала отказаться от насилия в международных делах и совместно строить светлое будущее.

Затем на сцене появились Н. Риччи и Х. Карерас, которые были приглашены М. Каддафи, вернувшимся накануне из своего африканского турне с тем, чтобы на высокой ноте закончить работу семинара и совпавшей по времени с работой этого семинара 9-ой сессии Временного парламента планеты Земля – международной организации, занимающейся проблемами мировой экологии.

Дипломатическая служба и практика 2021. № 3 (3)

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77 – 78891 от 8.09.2020 г.

Опубликовано 15.07.2021

Ответственный редактор
Проректор по вопросам повышения квалификации и
профессиональной переподготовки
почетный профессор Дипломатической академии МИД России,
канд. ист. наук М.Г. Троянский

Ответственный секретарь
Начальник Редакционно-издательского отдела
Дипломатической академии МИД России
канд. ист. наук С.М. Гаврилова

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Контакты:
dsp@dipacademy.ru
